От заката до рассвета (фрагменты)

Наталья Федоровна Кравцова

SHOUT
SHARE
IT

- Кравцова Наталья Федоровна

Кравцова Наталья Федоровна
От заката до рассвета (фрагменты)

Наталья Федоровна Кравцова

От заката до рассвета (фрагменты)

Аннотация издательства: Автор этой книги - Герой Советского Союза, бывшая летчица Наталья Кравцова. Она рассказывает о том, как в годы Великой Отечественной войны сражались на фронте девушки-летчицы 46-го Гвардейского Таманского женского авиационного полка. Летая ночью на самолетах "ПО-2", они бомбили фашистов на Украине, на Северном Кавказе, в Крыму, в Белоруссии, в Польше и в Германии. Эти рассказы взяты из книги Н.Кравцовой "От заката до рассвета".

ИДЕМ НА ВОЙНУ

Мы идем пустынными улицами Москвы к Казанскому вокзалу. Серое октябрьское утро. Бьет в лицо колючий снежок. Легкий мороз сковал осенние лужи на мостовой. Зима 1941-го наступила рано.

Шагаем колонной. Стучат по булыжнику железные подковки сапог. Стараемся идти в ногу. Нас много, девушек в больших, не по росту, шинелях и огромных кирзовых сапогах. В такт шагу позвякивают котелки, привязанные к рюкзакам. Сбоку на ремне у каждой - пустая кобура для пистолета, фляга и еще какие-то ненужные вещи, которые почему-то непременно должны входить в комплект "снаряжения".

Скользко. В сапогах непривычно: то и дело кто-нибудь из девушек плюхается на землю под сдержанный смешок соседок.

Москва военная провожает нас. Из скверов торчат стволы зениток. Настороженно, словно прислушиваясь к далекому гулу войны, стоят дома с разрисованными стенами. На стенах - зеленые деревья и серые дороги... Окна оклеены полосками бумаги крест-накрест. И дома - как слепые.

Война уже близко. Совсем близко от Москвы. Мы это знаем. Безжизненно стоят трамваи, брошенные, никому не нужные. Метро не работает. На станциях и в тоннелях люди прячутся от бомбежки. Трудные, тревожные дни, когда известий ждут со страхом.

Но мы не унываем. Потому что мы уже солдаты: на нас новенькая военная форма со скрипучим кожаным ремнем. Теперь не нужно толкаться в военкомате и просить, чтобы отправили на фронт. Все позади: и отборочная комиссия в ЦК комсомола, и медицинская комиссия, и две шумные недели в академии

Жуковского, где находился сборный пункт. Сюда съезжались из разных городов девушки - пилоты и техники, здесь мы постигали азы военной дисциплины, вникая в сущность субординации...

Все это позади. Мы идем на войну.

Правда, на войну мы попадем не сразу. Впереди учеба в летной школе. Там, в городе Энгельсе, на Волге, нам предстоит провести шесть месяцев. Когда Марина Раскова, наш командир, сообщила об этом, многие ахнули: целых шесть месяцев! Но, конечно, все обрадовались: значит, решение о том, что мы будем воевать, окончательно и бесповоротно. И только одно огорчало: мы покидаем Москву в самый тяжелый для нее час, уезжаем в тыл, на восток.

...Подковки сапог стучат по булыжнику. Мы идем по утреннему городу, поем песни. Наверно, смешно смотреть со стороны на нас, нескладно одетых девчонок в длиннющих шинелях. Но нет улыбок на лицах редких прихожих. Пожилые женщины подходят к самому краю тротуара, молча стоят и долго провожают колонну грустным взглядом.

На вокзале грузим в теплушки матрацы, мешки, продовольствие. Только к вечеру эшелон трогается. Мы едем в Энгельс. Едем медленно. В потемневшем небе первые вспышки разрывов. В городе воздушная тревога. Гудят паровозы, заводы. Грохочут зенитки.

Двери в теплушках раздвинуты. Тихо звучит песня:

Прощай, прощай,

Москва моя родная.

На бой с врагами уезжаю я...

Мы смотрим в московское небо. Многие - в последний раз.

НУЖНЫ ЛИ СОЛДАТУ КОСЫ?

...Еще раз звонко щелкнули ножницы и застыли в воздухе.

- Ну вот и готово, - с гордым видом произнес пожилой парикмахер и отступил от зеркала, чтобы полюбоваться своим искусством. - Первый класс!

С любопытством уставилась я на коротковолосого мальчишку, который смотрел прямо на меня. Неужели это я? Ну да, это мой вздернутый нос, мои глаза, брови... И все же - нет, не я. Кто-то совсем другой, ухватившись за ручки кресла, испуганно и удивленно таращил на меня глаза.

У мальчишки на самой макушке смешно торчал хохолок. Я попробовала пригладить прямые, как иголки, волосы, но они не поддавались. Растерянно оглянулась я на мастера, и он сразу же, будто заранее приготовил ответ, скороговоркой сказал:

- Ничего-ничего. Это с непривычки. Потом улягутся.

Я хотела было высказать ему свои сомнения, но передумала.

Рядом с креслом уже стояла следующая девушка. Я встала, уступив ей место.

Женя Руднева спокойно улыбнулась мне и села. Тонкая шея в широком вырезе гимнастерки. Строгий взгляд серо-голубых глаз. Тугая светлая коса.

Слегка нагнув голову и глядя на себя искоса в зеркало, Женя стала неторопливо расплетать толстую косу. Она делала это с таким серьезным выражением лица и так сосредоточенно, будто от того, насколько тщательно расплетет она косу, зависело все ее будущее. Наконец она тряхнула головой, и по плечам ее рассыпались золотистые волосы.

Неужели они упадут сейчас на пол, эти чудесные волосы?

Мастер, поглядывая на Женю, молча выдвигал и задвигал ящики, долго и с шумом ворошил там что-то, перекладывал с места на место гребенки, щетки. Потом выпрямился и вздохнул.

- Стричь? - спросил он негромко, словно надеялся, что Женя сейчас встанет и скажет: - Нет-нет, что вы! Ни в коем случае!

Но Женя только удивленно подняла глаза и утвердительно кивнула. Он сразу нахмурился и сердито проворчал:

- Тут и так тесно, а вы столпились. Работать мешаете!

Я отступила на шаг, и вместе со мной отошли к стене другие девушки, ожидавшее своей очереди.

И снова защелкали ножницы, неумолимо, решительно. Даже слишком решительно...

Нет, я не могла смотреть. Повернувшись, я направилась к выходу. Справа и слева от меня неслышно, как снег, падали кольца и пряди, темные и светлые. Весь пол был покрыт ими. И мягко ступали сапоги по этому ковру из девичьих волос.

Кто-то втихомолку плакал за дверью. Не всем хотелось расставаться с косами, но приказ есть приказ. Да и зачем солдату косы?

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

- Подъем!

Дежурный включает свет. Я открываю один глаз, второй, потом зажмуриваю оба и поворачиваюсь к стенке. Можно поспать еще минутку.

Рано - половина шестого. Вставать не хочется. Но распорядок дня у нас жесткий, впереди двенадцать часов занятий.

- Подъем!

Почему это человек, обыкновенный, нормальный человек меняется, стоит ему только стать дежурным? Вот придет моя очередь... Придет моя очередь - и я тоже с отрешенным видом буду выкрикивать металлическим голосом: "Подъем!", "На зарядку!". Нет, видимо, тут ничего не изменить.

Девушки уже встали.

Я быстро вскакиваю, натягиваю брюки, сапоги и вместе с другими выбегаю на улицу.

Только начинает светать. Поскрипывает сухой снег под сапогами.

- Станови-ись! - командует Надя, наш физорг.

Делаем пробежку, чтобы согреться. Все без гимнастерок, в нижних мужских рубахах.

Надя впереди. Она пружинисто бежит, потряхивая светлыми, почти белыми волосами. Потом останавливается, выходит вперед и, не давая никому отдышаться, сразу приступает к упражнениям.

Зарядка здорово освежает. Любители обтираться снегом трут докрасна лицо, руки. Бодрые, мы вбегаем в помещение.

Есть у нас и другого рода зарядка - навигационная. Это у штурманов. Каждое утро, вынув навигационные линейки, в течение десяти минут мы решаем задачи. Соревнуемся, кто быстрее.

Почти всегда первой оказывается Катя Рябова, студентка МГУ. Она быстро передвигает движок линейки. Кате нравится такая зарядка, и она от души радуется, когда выходит победительницей. Никто не успевает за ней угнаться, разве только Надя Комогорцева, наш физорг. Она тоже с мехмата.

Сидят они, поджав ноги, рядышком на втором этаже железных коек. Темная, смуглая Катя и светлая, голубоглазая Надя. Решают наперегонки, спешат, смеются. Но когда они, случается, замешкаются, их соседка Руфа Гашева как бы невзначай, спокойно сообщает:

- А я решила...

Тогда Надя удивленно вскидывает белые брови.

- Когда же ты успела?

У Нади удивительно веселые глаза. Они смеются всегда, даже когда она сердится.

От общежития до столовой идти довольно далеко. Идем строем, с песней. В столовой всегда полно народу - весь авиагородок питается здесь: и те, кто длительно базируется на аэродроме, и экипажи, прилетающие на короткое время. Тут можно познакомиться, неожиданно встретить старых друзей, узнать новости и просто поболтать, ожидая очереди.

До столовой и обратно нас неизменно сопровождает Дружок, славный пятнистый пес, дворняга. Он носится сбоку вдоль строя; то роет снег носом, то ложится на снег животом и тут же вскакивает, с визгом бросаясь вперед. К Наде Дружок особенно расположен. Когда мы строимся в колонну, Надя становится так, чтобы оказаться крайней, тогда можно незаметно поиграть с

Дружком, дать ему кусочек сахару или корку хлеба. Пес бежит рядом с Надей, время от времени поглядывая на нее и стараясь ткнуться мордой в ее руку.

Утром перед завтраком голод чувствуется особенно остро. И мы стараемся петь как можно громче:

Там, где пехота не пройдет,
где бронепоезд не промчится,
угрюмый танк не проползет,
там пролетит стальная птица...

Возле кухни мы дружно задираем носы, с шумом втягиваем воздух: пахнет вкусно. Дружок усиленно виляет хвостом и тоже принюхивается. Потом останавливается и лает: пришли.

Каждый раз запах из кухни кажется особенным и многообещающим. Но, как всегда, нас ждет разочарование - все та же пшенная каша.

Поход в столовую и обратно мы совершаем три раза в день. Орем песни, стучим сапогами, И обычно ничего интересного в пути не случается.

Но однажды произошло ЧП. Когда мы возвращались после ужина, было темно. Может быть, никто ничего и не заметил бы, если б не Дружок. Обнаружив, что Нади в общем строю нет, он заволновался и стал ее искать, а как только увидел, сразу громко залаял, выражая радость и в то же время удивление. Потому что никогда еще Надя не ходила отдельно от строя. А теперь шло она по тротуару, где было совсем темно. Шла вместе с Руфой и какими-то двумя мужчинами. Может быть, Дружок и встречал где-нибудь в городке этих летчиков, тем не менее он решил залаять еще громче и ожесточеннее. Так, на всякий случай. То ли он хотел выразить свое неудовольствие и одновременно попугать "чужих", то ли хотел показать Наде, что он тут, рядом, и она может на него всегда рассчитывать...

Лай его привлек всеобщее внимание, потому что Дружок старался изо всех сил. Если бы он мог знать, какие это имело последствия! Когда их заметили. Надя и Руфа не стали в строй, а продолжали идти вместе с летчиками до самого общежития.

Потом их "прорабатывали". Свои же университетские подруги. Надя и Руфа сидели молча, смущенные, растерянно слушая, как их обвиняют в недисциплинированности и легкомыслии.

- Просто неудобно было отказаться, - робко пыталась оправдаться Руфа. Ребята хорошие... Из университета.

- А один - мой земляк, - поддержала ее Надя.

На ее раскрасневшемся лице прыгали белые полоски бровей, то в недоумении взлетая кверху, то сдвигаясь к переносице.

Подруги наседали, и сопротивляться не было никакой возможности. Чем больше слушала их Надя, тем больше соглашалась с ними. Она чувствовала себя виноватой, очень виноватой. Да, конечно... Идет война, и там, на фронте, гибнут люди. И в такое время нельзя думать о прогулках с мальчиками. Это правильно. Но все-таки... все-таки... У того молоденького лейтенанта, ее земляка, такая славная улыбка...

Она собралась с духом и вдруг горячо сказала:

- Ну и что ж!.. И мы тоже будем воевать. Уже скоро на фронт... А вы...

Она замолчала... И все остальные притихли.

Надя так и не попала на фронт. Не успела.

Катастрофа произошла темной беззвездной ночью в районе полигона. "ПО-2" летали на учебное бомбометание. Погода внезапно ухудшилась, пошел снег. Во время разворота на небольшой высоте самолет вошел в глубокую спираль и врезался в землю...

"МОРЗЯНКА"

Облепленные снегом, в шинелях и шапках-ушанках, мы вваливаемся с улицы в коридор. Отряхиваемся, весело бьем Друг друга по плечам, спинам. Потом, потолкавшись у вешалки и оставив на полу мокрые следы, идем в класс.

"Морзянка" - один из предметов, которые мы любим. Каждый день утром в течение часа мы передаем и принимаем радиограммы. Работая ключом, отстукиваем буквы, цифры, добиваясь быстроты передачи. Упражняемся всюду, где только можно. Даже в столовой. В ожидании обеда выстукиваем ложками: та-та-ти-ти ти-та-та...

Занятия ведет молоденький лейтенант. Зовут его Петя. Он всегда приходит раньше и ждет нас, сидя за столом. И всегда делает вид, что очень занят: пишет что-то, или чертит, или регулирует телеграфный ключ. Но мы-то знаем: просто ему нужно время, чтобы набраться храбрости, потому что нас, девчонок, он стесняется.

Лейтенант Петя немногословен. Он старается больше молчать, но когда ему все же приходится говорить с нами, он краснеет и даже заикается. И от этого смущается еще больше.

Сегодня в классе мрачновато. За окном падает снег. Крупными хлопьями. Густой - густой. Кружась, летят, летят вниз мотыльки. Их так много, что в комнате полутемно.

Ти-ти-ти-та-та. "Я-на-гор-ку-шла..."

Монотонно жужжит зуммер. Точки, тире. Тире, точки...

Мы сидим за длинными черными столами, склонив головы, слушая негромкий разговор отрывистых звуков "морзянки". В

наушниках тоненько попискивают, перебивая друг друга, короткие точки и не очень короткие тире.

А в светлых проемах окон безмолвно несутся вниз мотыльки. Тысячи мотыльков. И мне на минуту кажется, что там, за окнами, совсем другой мир. Он не имеет к нам никакого отношения. Мы - отдельно.

Далеко-далеко идет война. А снег такой тихий и мягкий. И негромкая музыка "морзянки"... Может быть, война - это неправда? На самом деле ничего нет? Но зачем тогда "морзянка"? И мокрая шинель с воротником, который больно трет мне шею?

Меня клонит в сон. Я куда-то проваливаюсь... Но тут же спохватываюсь и начинаю старательно записывать слова, которые получаются, если тире и точки превратить в буквы.

Рядом со мной Галя Джунковская. Ей очень идут наушники. Похоже, что она в шапочке, которая плотно облегает голову.

Галя быстро пишет карандашом, и кончик ее носа слегка шевелится. На мгновение она поднимает темные глаза и встречается взглядом с Петей. Он моментально заливается краской. Краснеет даже шея над аккуратным белым подворотничком.

Опустив голову так, что стала видна светлая макушка, он продолжает отстукивать ключом.

По лицу Гали пробегает улыбка. Но тут же она хмурится, делает вид, что увлечена приемом. Только кончик носа дрожит часто-часто.

Ясно, она что-то задумала. Я вопросительно поглядываю на нее, и она кивает мне в ответ.

Обычно в конце урока Петя задает нам быстрый темп. Отстукивая ключом, он все ускоряет передачу до тех пор, пока мы уже не в состоянии принять ее. Тогда мы бросаем прием, а он еще некоторое время продолжает выстукивать, посматривая на нас исподлобья. Вид у него при этом явно торжествующий. Мы сидим молча, побежденные.

И так каждый раз. Нет, дальше терпеть нельзя! Что же он передает?

Мы хитрые. Галя предлагает: "Давайте принимать конец передачи по очереди. Тогда успеем".

В последние минуты, когда Петя, разгоняя скорость, в бешеном темпе работает ключом, мы не бросаем прием, а лихорадочно ловим звуки, складывая их в слова.

Наконец победа остается за нами. Мы читаем: "Занятия прошли на высоком уровне. Кончаю передачу. Все девочки работали хорошо, молодцы. За это я вас целую. С горячим приветом. Петя".

В этот день лейтенант Петя уходил домой с пылающими ушами, надев шапку задом наперед.

ПЕРВЫЕ ВЫЛЕТЫ

Совершив на своих новеньких "ПО-2" большой перелет из Энгельса в Донбасс, мы прибыли на Южный фронт.

Нелегки были первые дни на фронте. Трудности встретились как раз там, где их не ожидали. Мы готовы были ко всему: спать в сырых землянках, слышать непрерывный грохот канонады, голодать и мерзнуть - словом, переносить все лишения, какие только могло нарисовать наше воображение.

Но мы никак не могли предположить, что на фронте нас встретят с недоверием. Вероятно, по молодости и неопытности.

А произошло именно так. В дивизии и армии к нашему полку отнеслись с явным недоверием. Даже растерялись: как быть? Случай из ряда вон выходящий! Полк из девчонок! И хотят воевать! Да ведь они испугаются и заплачут! И вообще, умеют ли они?!

Прошла неделя, и десять дней, и больше, а боевого задания полк все еще не получал. Мы приуныли. Бершанская, командир полка, все время куда-то ездит, то и дело ее вызывают к начальству. А командир нашей эскадрильи Люба Ольховская, шумная, неугомонная Люба, ходит мрачнее тучи.

В полк приезжают инспектора, комиссии. Проверяют, изучают, присматриваются. Заставляют нас тренироваться и делать то, что мы уже давно умеем. Словом, первого боевого вылета мы ждем около трех недель. Возможно, это не такой уж большой срок, но кажется, что время тянется бесконечно долго.

Люба пытается успокоить нетерпеливых.

- Не спешите, девчата, все еще впереди, - говорит она, стараясь держаться спокойно.

А мы чувствуем - внутри у нее все кипит.

- Ничего, подождем, - продолжает она, силясь улыбнуться. Но улыбка не выходит: не умеет Люба притворяться.

- Подождем, пока им надоест к нам ездить! Инспекции! Проверки! Сколько же еще ждать, черт бы их побрал!

Люба негодует. В глазах ее золотистые прожилки, и кажется, что это огонь пробивается наружу.

- Мы тут сидим, а "фрицы" тем временем бомбят! - Она уже не может остановиться, не высказавшись до конца. - Ну, зато мы им покажем, когда начнем летать! Ух, покажем!

И она грозит кулаком неизвестно кому: не то "фрицам", не то начальству, которое задерживает боевые вылеты.

Любу, которая до войны работала инструктором в летной школе, назначили командиром эскадрильи еще в Энгельсе.

Зимой на Волге дули сухие морозные ветры. Мы ходили с обветренными, бронзовыми лицами и шершавыми руками. Однако полетов не прекращали, тренируясь даже в самые сильные морозы: готовились к фронту.

Высокая темноволосая девушка с быстрым взглядом из-под длинных, прямых ресниц сразу понравилась нам. В ней было столько энергии и темперамента, что их хватило бы на всю эскадрилью.

В ту зиму мы хорошо узнали Любу - жизнерадостную, неутомимую. Узнали и полюбили.

...Однажды под утро поднялся сильный буран. Порывистый ветер грозил сорвать самолеты со стопоров. Нас подняли по тревоге. Быстро одевшись, мы отправились на аэродром. Самолеты стояли на дальнем конце летного поля, и добираться к ним пришлось по компасу. В двух-трех шагах мы уже не видели друг друга: кругом была снежная стена.

С трудом продвигаясь вперед, мы отчаянно боролись за каждый метр пути. Снег больно бил по лицу. Встречный ветер толкал назад, забивал рот воздухом, выдувал из глаз слезы. Слезы замерзали на ресницах, склеивали веки.

Шли спотыкаясь, падая. Одна из девушек провалилась в сугроб, другая потеряла валенок. Кто-то заплакал - не от боли, а от чувства беспомощности... Временами казалось - нет больше сил. И тогда из снежной пелены вырастала Люба.

- А ну, веселее, девчата! - кричала она навстречу ветру, подталкивая отстающих, поднимая упавших. - Еще немножко осталось! Не отставать!

Ей нипочем был ураган. Она смеялась, радуясь тому, что может помериться силами со стихией.

- Вперед! - звала нас Люба, словно в атаку.

Она привела нас точно к стоянкам. Онемевшими от мороза руками мы принялись закреплять самолеты. Тросы натягивались, как струны, самолеты гудели, содрогаясь. Казалось, вот-вот они сорвутся и, кувыркаясь, понесутся по полю.

Вьюга бушевала до вечера. Мы дежурили у самолетов. И Люба без устали подбадривала нас.

- Вот это командир! - говорили потом девушки.

И вдруг мы узнали, что Люба несколько раз обращалась к начальству с просьбой перевести ее в другой полк. В истребительный. Пусть самым рядовым летчиком, но только в истребительный!

Мы понимали ее: Любино родное село на Украине фашисты сожгли дотла. И она хотела не просто воевать, а мстить! Жестоко мстить. Стать летчиком-истребителем, драться с врагом один на

один! К этому она стремилась.

Но не пришлось Любе летать на истребителе. Вместо истребителя тихоходный фанерный "ПО-2"! Трудно, очень трудно было ей согласиться с этим. Однако время шло, наш полк готовился вылететь на фронт раньше других, и она как будто успокоилась: можно и на "ПО-2" воевать, нужно только умение. А уж она-то сумеет!

Наступил день, когда мы наконец получили боевую задачу. В первую очередь на задание должны были лететь командир полка и командиры эскадрилий. Потом - остальные.

В этот день Люба не давала покоя своему штурману, заставляя ее еще и еще раз проверять маршрут полета, точность расчетов. Невозмутимая Вера Тарасова, полная и медлительная, на этот раз делала все быстро, с подъемом, так что Любе не приходилось подшучивать над ней, как обычно.

- Чтоб полет наш был высший класс!? - смеялась Люба, поблескивая зубами.

Мы всей эскадрильей провожали нашего командира в полет.

Когда стемнело, раздалась команда запускать моторы. Один за другим, через небольшие промежутки времени, поднялись в воздух самолеты.

Первый боевой вылет не произвел на нас большого впечатления. Над целью было спокойно. Никакого обстрела. Только из одного пункта по маршруту изредка лениво постреливал зенитный пулемет. Так, для острастки.

Мы возвращались разочарованные: все происходило так, как в обычном учебном полете на бомбометание. Конечно, никто из девушек не подозревал тогда, что для первых нескольких вылетов командование воздушной армии специально давало нам слабо укрепленные цели. Это делалось с намерением ввести полк в боевую обстановку постепенно.

В следующую ночь весь полк снова вылетел на боевое задание.

Вернулись все, кроме Любы.

Мы ждали до рассвета. Потом начали искать. Облетели весь район вдоль маршрута, но Любы нигде не нашли.

Она не вернулась ни на следующий день, ни потом.

Летчики соседнего полка, которые в ту ночь бомбили цель немного севернее нашей, рассказывали, что видели самолет "ПО-2" в лучах прожекторов. По самолету стреляли зенитки. Он шел к земле.

Это была Люба. Но почему самолет был обстрелян над железнодорожным узлом? Неужели они отклонились к северу случайно? Нет, это не могло произойти. Значит...

Люба, конечно, знала, что севернее - железнодорожный узел. Эшелоны на путях. И сама выбрала себе цель... Настоящую!

ТРУДНЫМИ ДОРОГАМИ

Лето 1942 года было в разгаре. Наши войска отступали. Шли на юг по пустынным Сальским степям, выжженным солнцем, по местности настолько голой и ровной, что негде было укрепиться, не за что зацепиться. Казалось, подуй ветерок, стронь с места перекати-поле - и покатится оно без остановки от самого Дона до Ставрополя.

Эти степные просторы облегчали действия немецких танков. Они быстро двигались по дорогам, настигая нашу пехоту, отрезая ей пути отступления.

Не раз наш полк выходил из-под танкового удара стремительно наступающего противника. По тревоге самолеты взлетали и брали курс в том направлении, куда двигались наши войска...

История, о которой пойдет речь, стала нам известна во всех подробностях уже потом, когда отступление кончилось и враг был остановлен в горных районах Северного Кавказа.

...Приказ срочно перебазироваться на новую точку был получен только к вечеру. Полк быстро снялся с места. Сначала уехал наземный эшелон - машины с техническим составом и штабом, потом улетели самолеты, перегруженные до отказа, увозя в задней кабине по два человека.

На аэродроме осталось два самолета. Один из них с неисправным мотором. С другим задержались две летчицы и штурман, которые ждали, когда будет устранена неисправность, чтобы улететь, захватив с собой оставшихся.

Мотором занимались инженер полка Соня Озеркова и техник Глаша Каширина. Быстро темнело. При свете карманных фонариков они пытались что-то исправить. Глаша поглядывала на дорогу - не едет ли машина с запчастями, специально вызванная из мастерских.

Дорога, проходившая через хутор, уже несколько часов была заполнена войсками. По тому, как они спешили, как в панике метались на небольшом мостике люди, повозки, лошади, ясно было, что немцы где-то недалеко.

Наконец прибыла полуторка, которой пришлось ехать окольными дорогами. С ней - техник из ремонтных мастерских. Снова осмотрели мотор, попробовали что-то сменить. Обнаружилась новая неисправность, которую нельзя было ликвидировать на месте. Требовался основательный ремонт в мастерских, а мастерские находились где-то в пути. Они снялись с последней стоянки, не успев развернуться.

Потеряв надежду исправить мотор, стали думать, что делать с самолетом. Нужно было спешить. Соня, инженер полка, была здесь старшей, и на нее ложилась вся ответственность. Она искала выход, но не находила. С кем посоветоваться? Все уехали, улетели... Сейчас улетит последний самолет: летчицам здесь больше делать нечего.

Она позвала девушек.

- Можете улетать. Мотор починить нельзя.

- А как же вы? Места нет...

- Мы с Кашириной поедем на машине. Вот с ними. - Соня кивнула на шофера и техника.

Через минуту самолет взлетел.

Соня напряженно думала. Бросить самолет нельзя: он достанется немцам. Значит, сжечь? На это страшно было решиться. Но больше она ничего не могла придумать. Она почувствовала, что руки вспотели и в голове стоит туман, путаются мысли.

Все стояли и ждали, что она скажет. Наконец Соня спросила сиплым, чужим голосом:

- Сарьян, спички есть?

Глаша испуганно посмотрела на нее.

- Есть, - ответил техник.

- Давай... поджигай...

- Ясно! - сказал тот как ни в чем не бывало и нырнул под самолет.

Соня отошла. Отвернулась и стала смотреть на дорогу. Правильно ли она поступила? А вдруг можно было придумать что-нибудь другое...

Она смотрела на дорогу. Смотрела, но ничего не видела. Не слышала ни криков ездовых, расчищавших затор у въезда на мостик, ни ржания лошадей, ни гудков машин.

Сзади вспыхнуло пламя. Соня обернулась: огонь быстро охватил самолет. Стало нестерпимо жарко. Отошли подальше.

Самолет жалобно потрескивал. Трудно было оторвать глаза от этого торжествующего огня, которому дали полную волю - гуляй!

Глаша стояла ближе всех, смотрела, как огонь пожирает самолет. Это ее самолет. Она ухаживала за ним, как за ребенком. Мыла, чистила, берегла. Встречала и провожала. Следила за тем, чтобы мотор был исправен, здоров. Кормила бензином и маслом...

Облизнув сухие губы, Глаша пошевелила загрубевшими от работы пальцами, потрогала ими шершавые ладони. Он погибал, ее самолет, и она не могла спасти его...

Подождав, когда на земле остался только небольшой костер,

все четверо сели в машину.

Ехали медленно. Подолгу стояли у перекрестков, мостов из-за скопления машин. Проселочная дорога, забитая войсками, вскоре вывела на основную магистраль. Здесь ехать было еще трудней. Шофер попытался двинуться в объезд, по грунтовым дорогам, через канавы. В свете фар стояла густая пыль.

Внезапно в стороне от главной дороги машина остановилась. Волков, шофер, полез в мотор, потом под машину. И обнаружил поломку: сломался промежуточный валик. В запчастях замены не оказалось. С рассветом Волков пошел в ближайшую МТС, но вернулся с пустыми руками.

К утру дорога была свободна: основная масса отступавших прошла на восток. Только изредка проезжали последние повозки, проходили люди. Оставаться у машины не было никакого смысла. Решили идти пешком.

- Что делать с машиной?

- Давай ее в стог, - предложил Сарьян.

Рядом стоял большой стог сена. Полуторку подтолкнули, и она по уклону скатилась прямо к нему. Волков вынул из мотора какие-то части, забросил их подальше, а машину завалили сеном и подожгли.

Дальше двинулись пешком. Иногда останавливались передохнуть. Жгло солнце. Страшно хотелось пить. В небольших селениях, попадавшихся на пути, с жадностью набрасывались на воду. После одного привала встретили людей, которые говорили, что впереди есть хутора, куда уже вошли немцы. Другие утверждали, что немцев еще нет.

- Как бы там ни было, а нужна осторожность, - сказала Соня. - Прежде чем входить в деревню, будем узнавать у местных жителей, есть ли там немцы.

Так и решили.

По дорогам уже давно не проезжала ни одна машина. Не видно было людей. И это угнетало. Стояла тишина, которая давила, заставляла напряженно ждать, что вот-вот с минуты на минуту случится то, чего они так боялись...

Шли молча. И вдруг среди гнетущей тишины Сарьян, бесшабашный на вид парень с иссиня-черной шевелюрой и глазами навыкате, запел:

- Э-эх, расскажи-расскажи, бродяга...

Пел он неприятным, громким голосом. Глаша попросила:

- Перестань, не надо.

Но он продолжал, запрокинув голову:

- Ч-чей ты ро-о-одом, а-атку-да ты!..

- Слушай, тебя просят - замолчи!

Но он, захлебываясь, скорее кричал, чем пел:

- Э-эх, да я не по-о-омню...

- Сарьян, прекрати орать.

Соня сказала это спокойно, не повышая голоса.

Он замолчал. Потом опустил голову и медленно, раскачиваясь как пьяный и болтая руками как плетьми, поплелся к обочине дороги. Сел на траву, уткнувшись головой в колени. И неожиданно для всех расхохотался. Смеялся он, закатываясь, сотрясаясь всем телом. А круглые глаза его чуть не выскакивали из орбит.

- Что это он? Что с ним? - испугалась Глаша.

Волков подошел к нему, положил руку на плечо:

- Слушай, парень, ты брось эти свои истерики! Надо держать себя в руках. Чего раскис? Жара, что ли, на тебя действует?

Он говорил негромко, даже ласково, как бы уговаривая Сарьяна. И тот постепенно успокоился.

Вечером, когда на небе выступили звезды, свернули на восток. Проселочная дорога пересекала поле и дальше терялась в кустарнике. В ближайшей деревне собирались заночевать.

Где-то вдалеке послышался ровный, однообразный гул. Он становился громче, и скоро все услышали впереди шум моторов и лязг гусениц. Остановились, тревожно прислушиваясь.

- Танки... - прошептала Глаша.

- А может, это наши?.. - неуверенно произнес Сарьян.

- Надо узнать, - сказала Соня. - Я пойду на разведку. Вы ждите меня здесь. Может быть, еще кто-нибудь пойдет со мной?..

Она помедлила некоторое время, ожидая. Но никто не вызвался: у Глаши были стерты ноги, она с трудом двигалась; Волкову, видно, не хотелось идти он сразу же лег на траву и занялся свертыванием самокрутки, вероятно, нисколько не сомневаясь, что это немецкие танки; Сарьян же не хотел идти, так как побаивался Сони. Строгая, неумолимая, она часто одергивала разболтанного парня, а большей частью вообще не замечала его.

И Соня пошла одна. В темноте, еще не очень густой, она подошла к дороге, присела и раздвинула кусты. По шоссе один за другим грохотали танки. Они были совсем рядом, в нескольких шагах. На танках чернели кресты. Недалеко, на развилке дороги, стоял регулировщик. Он размахивал фонариком и время от времени выкрикивал что-то по-немецки.

Соня понимала, что это немецкие танки, что они двигаются на восток, что, значит, теперь придется идти по территории, занятой немцами. Но почему-то это никак не укладывалось в голове, не доходило до ее сознания. На все происходящее она смотрела как будто со стороны, как будто ее это не касалось. Так

бывает, когда смотришь фильм: на экране страдают люди, происходят волнующие события, но ты знаешь, что это все-таки где-то там, что это ненастоящее. А ты - отдельно...

Она вернулась к своим и рассказала о том, что видела. В деревню решили не заходить. Переждав, когда танки проехали, отошли от перекрестка подальше и поодиночке перебежали дорогу. Потом, пройдя еще немного в сторону от шоссе, остановились в поле. Спали прямо в стогах.

Утром Соня открыла глаза, чувствуя на себе чей-то взгляд. У стога стояла женщина, разглядывая спящих.

- Вы, бабоньки, военные? И чего ж вы не скинете ту форму? Разве ж можно так?..

Женщина сказала, что в хуторе немцев нет, они проехали дальше, так что бояться нечего. Повела их к себе, накормила, дала простую деревенскую одежду.

- Если станут спрашивать, говорите, что с окопов идете, - наставляла она их. - Копали, значит, окопы. Так и отвечайте: с окопов домой, на хутор.

Два селения, которые они прошли, были пусты. В третьем, довольно большом, неожиданно наткнулись на немцев.

Войдя в станицу, сразу за поворотом, у школы, увидели группу людей в военной форме. Поворачивать назад было поздно: это могло вызвать подозрения. И они продолжали идти вперед. У всех было оружие, у Сони и Глаши - в узелках с едой, которые сунула им на дорогу женщина.

Стараясь держаться спокойно, они не спеша прошли мимо немцев. Те посмотрели на них, разговаривая между собой. А они шли, делая вид, что местные. Никто их не остановил. У Глаши дрожали руки, а Соня шла как каменная. Им казалось, немцы непременно догадаются, что одежда на них чужая и что настоящая их одежда - это военная форма...

День за днем они продвигались все дальше на восток. Ночевали в селениях у хозяек. Соня и Глаша в одном доме, а мужчины в другом, где-нибудь неподалеку. Чтобы не слишком беспокоить хозяев. Потом встречались в условленном месте и отправлялись вместе в путь.

Однажды Соня и Глаша не дождались своих попутчиков. Они почему-то не явились. А где их искать, девушки не знали. Долго ждали, но ходить по домам и спрашивать не решились.

Идти приходилось по жаре, под палящими лучами солнца. Мучила жажда. Вода считалась роскошью в этом степном краю, ее можно было найти только в селениях. А селения, большей частью хутора, где стояли немногочисленные постройки, находились на значительном отдалении друг от друга.

Глаша сильно уставала. Болели ноги, кружилась голова. Иногда она готова была сесть посреди дороги и заплакать. Соня не давала ей отдыхать, все тянула и тянула за собой. Она шла впереди, изредка оглядываясь, не отстала ли Глаша. Глашина фигурка маячила сзади на некотором расстоянии.

Соня чувствовала себя более выносливой. Занятия спортом еще до войны, в военной школе, где она работала преподавателем, закалили ее. Но этот бесконечный путь босиком по горячей, пыльной дороге трудно было вынести даже ей. Ноги казались деревянными колодами, она переставляла их механически. Обернуться, сделать лишнее движение стоило большого труда. Казалось, остановишься - свалишься и не хватит сил, чтобы подняться... Так они шли обе в платочках, в длинных черных юбках, босиком. Невысокая, крепкая Соня впереди. За ней немного подальше тоненькая Глаша.

Однажды у железнодорожного полотна их окликнул часовой. В это время они переходили полотно. Обе продолжали идти, будто их это не касалось. Часовой еще раз крикнул и вскинул автомат. К счастью, к переезду приближались подводы, крестьяне вели лошадей. Соня и Глаша затесались между ними и, сбежав со склона, скрылись среди деревьев.

В другой раз на дороге они встретили двух немцев-мотоциклистов. Один сидел на корточках, чинил мотоцикл, а другой ждал его. Увидев девушек, немец пошел им навстречу. Стал что-то говорить, показывая на узелки: вероятно, был голоден и хотел поесть. Он тыкал пальцем в узелок и смотрел на Глашу. Она растерялась: в узелке, кроме хлеба, лежал пистолет, завернутый в тряпку. Немец настойчиво тыкал в узелок - и она медленно стала развязывать концы платка.

Кроме двух мотоциклистов, на дороге не видно было никого, причем один из них был целиком занят своим мотоциклом и не смотрел в их сторону. Соня чуть подвинулась - так, чтобы оказаться за спиной немца, вынула пистолет и, пока Глаша развязывала узел, выстрелила ему прямо в спину. Потом подбежала ко второму, который ничего еще не успел сообразить, и сделала два выстрела в упор.

- Глаша, сюда, в кусты! - крикнула она.

Они бросились в сторону с дороги и побежали по кустарнику. Бежали долго, пока хватило сил..

Потом остановились. Тяжело дыша, Глаша молча уставилась на Соню, которая все еще держала пистолет в руке. Она так и бежала с ним и теперь растерянно смотрела на него, не зная, что с ним делать. Ей казалось, что она все еще слышит короткий хрип осевшего на землю немца - того, что возился с мотоциклом, и

видит большие черные точки в его круглых испуганных глазах...

Как-то раз к вечеру девушки, как всегда, попросились на ночлег. Хозяйка вышла на крыльцо, посмотрела на них и уже собралась было отказать, но почему-то передумала.

- Погодите, - сказала она и вошла в хату. Вскоре возвратилась и впустила их в комнату

Неожиданно они увидели за столом человека, одетого в форму советского командира, с тремя кубиками в петлицах. Старший лейтенант. Свой!

Они обрадовались. Разговорились. Но осторожность все же заставила их быть не до конца откровенными Соня сказала, что они медицинские сестры, отстали от своей части и пробираются к фронту. Ее удивляло, что в обстановке, когда кругом немцы, старший лейтенант не снял военной формы...

Однако он был проницательным, этот энергичный человек с прямым взглядом темных колючих глаз. Он почувствовал, что Соня не полностью доверяет ему. Тогда он вынул и показал свой партийный билет. Соня и Глаша показали свои.

Оказалось, что он не один. С ним было еще десять бойцов с оружием и гранатами. В сарае стояли две повозки с пулеметами, запряженные лошадьми. Бойцы продвигались к линии фронта по ночам, в темноте, иногда прорываясь вперед с боем.

Старший лейтенант вел себя так, будто он был хозяином положения и не он должен был бояться немцев, а они его. Казалось, он знал все: что нужно делать, куда ехать. Ни он, ни бойцы не сняли военной формы - об этом не могло быть и речи, и если бы пришлось, они бы наверняка, не задумываясь, вступили в бой с целой дивизией немцев...

Глаша и Соня присоединились к ним. После трех недель скитаний они уже не шли пешком, а ехали на повозках, ночью. В темноте на дороге встречались вражеские мотоциклисты, машины, патрули. Оружие всегда было наготове на тот случай, если им не удастся проскочить.

Однажды, когда повозки уже въехали в деревню, навстречу вышли немцы. Их было довольно много. Немецкие солдаты что-то закричали, забегали. Послышался треск автоматов. Но ездовые, повернув назад лошадей, уже неслись прочь. С последней повозки строчил пулемет...

На следующий день в станице под Моздоком увидели красноармейцев. Здесь стояла наша стрелковая часть. В самом Моздоке царила неразбериха. Город эвакуировался. Время от времени прилетали немецкие самолеты и бомбили отходившие войска. Здесь Соня и Глаша расстались со старшим лейтенантом.

Еще в дороге заболела Глаша. Оказалось - тиф. Соня нашла

коменданта города и сдала ее, совсем больную, в госпиталь. Коменданту ничего не было известно о местонахождении женского полка, и он направил Соню к представителю ВВС, который приблизительно знал, где базируется полк.

В тот же день на попутной машине она ехала по дороге, которая вела на юг. Смеркалось. Слева тянулись поросшие кустарником холмы, впереди высился горный кряж. Машина подпрыгивала на ухабах. Соня, стоявшая в кузове, смотрела по сторонам, надеясь увидеть где-нибудь самолеты.

И вдруг увидела. В стороне от дороги, на ровном поле, мелькали огоньки. На площадку садились самолеты. Очевидно, это был, вспомогательный аэродром, откуда самолеты летали на боевое задание.

Соня не верила своим глазам: все было как в сказке. Сердце бешено заколотилось, и она что было сил забарабанила по кабине кулаками, крича:

- Стойте! Остановите машину! Это они! Они!

Выдержка и спокойствие изменили ей. Здесь был ее полк, ее работа, ее дом- Она нашла его, нашла... Она побежала напрямик к самолетам. Спотыкаясь и падая, бежала Соня по полю, словно могла не успеть, опоздать, и огоньки зеленые, белые, красные - расплывались пятнами в ее глазах...

ГОРИТ ВСЮ НОЧЬ

Отступая, мы дошли до предгорий Кавказа. Полк расположился в зеленой станице Ассиновская. Это в долине, неподалеку от Грозного.

Мы прячем самолеты в большом яблоневом саду, прямо под деревьями. Сад окружен арыком, и нам приходится рулить самолеты по узким деревянным мостикам, перекинутым через арык. Тяжелые ветви, усеянные яблоками, клонятся к земле. Пока дорулишь до стоянки, в кабине полно яблок.

Сразу за станицей шумит быстрая Асса. Видны высокие горы. Близко Казбек. Дарьяльское ущелье. Места, воспетые поэтами. Война пришла и сюда. Линия фронта - по Тереку.

Летаю с Ириной Себровой. Она славная девушка, скромная, искренняя и отличный летчик. Характер у нее мягкий, деликатный. Мы с ней подружились.

...Бомбим вражеские позиции под Малгобеком. Горный район, сразу за хребтом.

Небо в звездах. Погода хорошая.

Над целью я бросаю вниз светящуюся авиабомбу. Она, как фонарь, повисает в воздухе. Становится светло, и я внимательно разглядываю землю. Увидев цистерны, расположенные параллельным рядом, я заволновалась.

- Иринка, вижу склад с горючим!

Ира высовывается из кабины, смотрит вниз.

- Вон, справа! Подверни правее, еще... Довольно.

Я спешу, я так хорошо вижу цистерны! Нажимаю рычаг - и бомбы несутся к земле. Четыре огненных снопа вспыхивают и тут же исчезают, рассыпавшись искрами. Мимо! Я чуть не плачу от досады. Остались четыре дымка на земле, а цистерны светлеют целехонькие...

В следующем вылете я не тороплюсь. Мне очень хочется попасть в цистерны. Изо всех сил я стараюсь прицелиться получше. Ставили же мне пятерки по бомбометанию! У меня даже лоб вспотел.

Ира выдерживает прямую, которая называется "боевой курс".

Я чуть-чуть подправляю курс. Еще раз. Цель отличная. Самолет летит как по ниточке. Нет, я должна попасть во что бы то ни стало!

Снизу застрочил зенитный пулемет. Прошлый раз он молчал. Они там еще спали, наверное. А я промахнулась!.. Огненные трассы приближаются к нам слева Вот-вот они полоснут по самолету. Но сворачивать нельзя.

Пулемет крупнокалиберный, спаренный - пули летят широким пучком. Я вижу, что Ира вертится в кабине, нервничает. Но курс держит. Поглядывая на трассы, я прицеливаюсь. Бросаю бомбы.

Ира сразу пикирует, успевая нырнуть под длинную трассу пуль.

На земле сильные взрывы. И вспыхивает пламя: пожар. Настроение у меня поднимается. Мы летим домой, а я все оглядываюсь: горит!

Черный дым стелется над землей, постепенно заволакивает небо. Склад горит всю ночь.

ЮЛЬКА

Она пришла к нам в полк неожиданно, девчонка с осиной талией и независимой походкой.

Осень ярким ковром лежала на склонах гор Под ногами шуршали листья. И снежная вершина Эльбруса белой волной светлела на фоне синего неба.

В то время мы уже несколько месяцев воевали. И первые, совсем новенькие ордена сверкали на наших гимнастерках. Мы прочно закрепились у предгорий Кавказа и не сомневались в том, что теперь путь наш лежит только вперед.

Ее звали Юлей. Нет, Юлькой. Потому что все в ней говорило о том, что она - Юлька. Лихой, отчаянный летчик. Орел! И то, что ей только девятнадцать, - пустяк. Дело совсем не в этом.

Ходила она, гордо подняв голову, будто всем своим видом хотела сказать. "Вы меня ждали - вот я и пришла. И теперь мое место здесь!" Возможно, она боялась, что ей не сразу разрешат летать на боевые задания А ей очень хотелось воевать.

Юлька. Черная кожанка, туго затянутая ремнем, аккуратные хромовые сапожки, шлем набекрень. Из-под шлема солнечный ореол светлых волос.

Вначале Юлька больше молчала Присматривалась, поводя темной бровью. Щурила глаза, улыбалась краешком рта, не разжимая губ - не то презрительно, не то удивленно. И непонятно было, нравится ей у нас в полку или нет.

А когда начала летать, сразу все увидели - нравится. Уж очень отчаянно летала Юлька. И ничего не боялась: ни зениток, ни выговора за лихачество Летного опыта у нее явно недоставало. Зато было с излишком бесшабашной смелости.

Мы полюбили Юльку. И уже не могли себе представить, как же мы раньше жили и не знали, что есть на свете веселая девчонка с чуть вздернутым носом, еле заметными веснушками на нежной коже и брызгами радости в глазах.

Без Юльки? Можно ли без нее? Соберутся девушки - Юлька запевает песню. Станут в круг - она уже в центре, отбивает чечетку или плывет, подбоченясь, так легко, словно ноги ее не касаются земли.

В Юльке нам нравилось все. И то, как она по-мальчишески рисовалась под бывалого летчика, и даже то, как относилась к жизни - с нарочитым пренебрежением.

Я помню Юльку всегда жизнерадостной, веселой.

И только однажды я видела ее совсем другой - притихшей, задумчивой.

Это было под вечер, когда мы собирались на полеты. В ту ночь мы должны были бомбить немецкий штаб и боевую технику в одной из кубанских станиц под Краснодаром. Юлька молча натянула на себя комбинезон, надела шлем, перекинула через плечо планшет, села на деревянные нары и безвольно опустила руки. Потом вдруг резко откинулась назад, легла на спину. Так она лежала некоторое время, глядя в потолок. О чем она думала? Мы ждали,

Наконец она с усилием сказала:

- В этой станице я выросла. Там моя мама...

Никто не произнес ни слова. Трудно было что-нибудь сказать.

Юлька решительно поднялась и куда-то ушла.

Через полчаса командир эскадрильи ставила нам боевую задачу. Задание было несколько изменено: нам предстояло бомбить боевую технику на окраине станицы, а Юлька со своим

штурманом должна была на рассвете уничтожить штаб в самой станице.

- Я там знаю каждый дом, - объясняла она всем со странной торопливостью.

Мы понимали: она волнуется.

Штаб Юлька действительно разбомбила. Утром прилетела назад довольная, возбужденная. Размахивая шлемом, рассказывала:

- Понимаете, я видела свой дом! Спустилась и низко-низко над ним пролетела!..

Усталые, мы медленно шли по ровному полю аэродрома. Героем дня была Юлька. И все это признавали.

- А немцы не ждали бомбежки, - продолжала она. - Я спланировала совсем неслышно. Они только потом спохватились. Начали стрелять, когда услышали взрывы.

Ветер трепал светлые Юлькины волосы, лицо ее горело. Такой она запомнилась мне на всю жизнь - на фоне ветреного неба, гордая и счастливая.

Вскоре наши войска освободили Юлькину родную станицу. Но ей самой уже не пришлось там побывать. В одну из черных мартовских ночей Юлька была смертельно ранена.

Всего несколько месяцев летала с нами Юля Пашкова. Наша Юлька. А казалось - годы...

А РЕЧКА МАЛЕНЬКАЯ...

Сразу за станицей пруд, поросший камышом. Каждый вечер мы слушаем лягушечьи концерты. Кваканье разносится по всей станице. Даже на аэродроме слышно звонкое пение лягушек, и только шум мотора, работающего на полной мощности, заглушает его.

В стройном хоре без труда различаешь отдельные голоса. Почти ни одна из лягушек не квакает в буквальном смысле слова. Они что-то выкрикивают, каждая свое.

"Пи-ва! Пи-ва!"

"Курро-Сиво! Курро-Сиво!"

"Те-ть! Те-ть! Те-ть!"

Уже стемнело. Скоро одиннадцать. Но кажется, что еще рано, потому что небо светлое. Луна плывет высоко-высоко. На ней отчетливо видны темноватые пятна, похожие на земные материки.

Сегодня я впервые поведу самолет на цель как летчик. И Жека Жигуленко тоже. Мы с ней вместе шли на аэродром, но об этом никто из нас не обмолвился ни словом. Пусть будет все, как всегда... Как раньше.

На старте, как обычно, все заняты своими делами. Получив

боевую задачу, летчики расходятся по самолетам.

Я иду к своей "шестерке", и девушки на прощание желают мне удачи - кто улыбкой, кто кивком головы или приветственным взмахом руки.

- Распадается, распадается благородное штурманское сословие, - говорит штурман полка Женя Руднева. Она сегодня "вывозит" меня.

- Ничего. Новые, свежие силы вольются в славную штурманскую семью, отвечаю я в том же тоне.

Действительно, с прибытием в полк группы летчиц, так называемого "пополнения", стала остро чувствоваться нехватка штурманов. После того как в феврале нам присвоили гвардейское звание, в полку стало четыре эскадрильи вместо двух. И если к нам присылали женщин-летчиц, работавших инструкторами в аэроклубах, и даже техников, то штурманов взять было неоткуда: их просто не было. Тогда Женя Руднева организовала внутриполковой "университет": девушки из вооруженцев и кое-кто из техников стали изучать штурманское дело. Преподавала сама Женя и лучшие штурманы полка. Девушки, которых обучала Женя, души в ней не чаяли. Занимались с энтузиазмом, ходили за ней по пятам...

Еще некоторое время орут, перебивая друг друга, лягушки. Потом кваканье сменяется фырканьем и рычанием моторов.

Я взлетаю. Мы с Женей летим бомбить немецкую технику в населенном пункте. И Женя, как штурман, говорит мне все то, что я всегда говорила своему летчику. И я слушаю ее так, будто все это мне неизвестно...

Вот и цель впереди. Обыкновенная. Ничего особенного. Я уже бомбила ее раньше, она мне хорошо знакома. И все же сегодня она выглядит по-другому. Населенный пункт разросся, небольшая речушка со светлым песчаным руслом кажется огромной рекой, а лесок за ней вдруг стал больше и темнее.

Я знаю, сейчас зажгутся прожекторы. Их здесь четыре. И пулеметы начнут стрелять. Но мы уже почти над целью, а они молчат. И я начинаю нервничать...

Наконец зажглись. Застрочили пулеметы - все так, как и должно быть. Женя спокойно направляет самолет на цель, бомбит, уводит меня от пулеметных трасс. Мы даже выходим из лучей. Сами.

Я оглядываюсь: нет, все-таки речка совсем маленькая, а лесок такой же, как и был...

- Ну, теперь ты летчик обстрелянный, настоящий летчик, - громко смеется Женя.

...В следующую ночь мы бомбили переправу. Сплошная

облачность заставила нас лететь на высоте ниже восьмисот метров. В небе - ни звездочки. Внизу темнела Кубань. Неподалеку от линии фронта горели пожары, и в воздухе стояла дымка. Красноватые отблески лежали на темных клубах туч.

Когда прожекторы поймали самолет, зенитные пулеметы обрушили на него весь свой огонь. Женя спокойным голосом говорила что-то, а мне казалось, что нам уже не выбраться... В самый неподходящий момент мне вдруг страшно захотелось узнать, что будет через пять минут. Будет ли мой "ПО-2" лететь с курсом домой или...

Мы вернулись домой. И еще два раза слетали на цель.

А у гром после боевой ночи я никак не могла уснуть. Тогда я взяла карандаш...

...Не скоро кончится война,
не скоро смолкнет гром зениток.
Над переправой - тишина,
и небо тучами закрыто.
Зовет мотор: вперед, скорей,
лети, врезаясь в темень ночи!
Огонь немецких батарей
как никогда предельно точен.
Еще минута - и тогда
взорвется тьма слепящим светом.
Но, может быть, спустя года
во сне увижу я все это.
Войну и ночь. И свой полет.
Внизу - пожаров свет кровавый.
И одинокий самолет
среди огня над переправой.

УБИТА НАД ЦЕЛЬЮ

Доложив командиру полка о выполнении задания, я уже хотела уходить, но задержалась на старте. В воздухе вспыхнула и медленно погасла красная ракета. Сигнал бедствия.

На посадку заходил самолет. Не зажигая навигационных огней, без обычного круга над аэродромом.

Бершанская нахмурила брови: что-то случилось.

- Прожектор! - распорядилась она.

И сразу посадочная полоса залилась мягким, рассеянным светом.

Самолет снижался неуверенно. Далеко от посадочных знаков. Слишком далеко. В свете луча был отчетливо виден белый номер на хвосте. "Тройка". ?Это вернулась Дуся Носаль", - подумала я.

Командир полка вынула папиросу и стала машинально чиркать зажигалкой, продолжая смотреть на самолет. Папироса в

руке смялась, но Бершанская не замечала этого. С тревогой она следила за приземлением самолета.

Почти у самого края аэродрома он тяжело стукнулся колесами о землю, пробежал немного и остановился. Видимо, летчик не собирался рулить к старту.

- "Санитарка"! Быстро! - хрипловатым голосом крикнула Бершанская.

Машина с красным крестом уже ехала через аэродром. Все бросились на посадочную полосу.

Когда я подбежала к самолету, Дусю вынимали из кабины. Ее положили на носилки. Сняли шлем с головы. Неподвижно, неестественно согнувшись, лежала она на носилках, поставленных прямо на землю. Свет прожектора падал на безжизненное лицо. На виске темнело пятно.

"Зачем ее так положили? Ей же очень неудобно... - подумала я. - Зачем ее так положили?" Эта мысль не давала мне покоя. Я не хотела, я отказывалась понимать, что теперь это не имеет значения.

Подошла Бершанская. Штурман Глаша Каширина шагнула ей навстречу.

- Товарищ командир... задание выполнено. - Она глотнула воздух и шепотом добавила: - Летчик... Дуся... убита.

Я смотрела на Дусю. Казалось странным, что она никогда не поднимется, даже не пошевельнется...

Прожектор погас, и только луна освещала голубоватым светом ее лицо. Белела цигейка отвернутого борта комбинезона. Светлели пятнистые унты из собачьего меха. Трехцветные - из рыжих, белых и черных пятен. В полку только у Дуси были такие, и она хвасталась, что поэтому ей всегда везет...

Рядом стоял Дусин самолет. Прозрачный козырек в передней кабине был пробит. Снаряд прошел через плексиглас, оставив в нем круглое отверстие, и разорвался в кабине.

На следующий день Глаша рассказала, как это случилось.

Они уже взяли обратный курс, чтобы лететь домой, когда справа, чуть выше, на фоне луны мелькнула тень. Глаша успела различить двухфюзеляжный немецкий самолет. Он пролетел и тут же исчез. Сказав об этом Дусе, она стала еще внимательней смотреть по сторонам. Дуся тоже вертела головой.

Справа под крылом поблескивала Цемесская бухта. На берегу, раскинувшись большим полукругом, светлел Новороссийск. Время от времени над Малой землей, плавным уступом вдающейся в море, желтоватым светом вспыхивали "фонари" и, оставаясь висеть в воздухе, освещали позиции наших войск. Вражеские самолеты бомбили прямо по траншеям...

И все-таки немецкий летчик увидел их раньше Он атаковал "ПО-2" спереди, спикировав на освещенный луной самолет. На мгновение яркая вспышка ослепила Глашу, и в тот же момент темная громада, закрыв собой небо, с шумом промчалась над ними.

Глаша сразу поняла, что означала эта вспышка Она окликнула Дусю. Раз, второй, третий.

Дуся не отвечала Голова ее была опущена на правый борт, как будто она разглядывала что-то внизу, на земле Но так странно опущена... Лбом она упиралась в борт.

Поднявшись с кресла в своей кабине, Глаша протянула руку вперед, к Дусе, тронула ее за плечо, затормошила, затрясла. Дусина голова беспомощно закачалась и ткнулась в приборную доску.

Глаша почувствовала, как от ужаса холодеет сердце. Неужели- неужели убита?!

Тем временем самолет, опустив нос, разворачивался, набирая скорость. Когда Глаша взялась за ручку управления, оказалось, что двигать ею почти невозможно: тело Дуси осело вниз, надавив на ручку.

Глаша встала во весь рост, перегнулась через козырек кабины подальше вперед и, захватив руками меховой воротник Дусиного комбинезона, с силой потянула его кверху, приподняв отяжелевшее тело. Руки стали липкими... Совершенно спокойно она вытерла их о свой комбинезон. С этого момента чувства ее притупились Она знала, что нужно делать и как поступать Все же остальное ее как будто не касалось...

Перед самой войной Глаша училась летать в аэроклубе. Теперь это ей пригодилось.

Она с трудом вела самолет. Тело Дуси сползало вниз, и время от времени Глаша вставала и подтягивала его кверху, чтобы высвободить управление Она летела, как во сне. Ей казалось, что все это происходит не с ней, а с кем-то другим.

Точно такое же чувство она испытывала, когда вместе с Соней Озерковой, инженером полка, выбиралась из окружения. В то время она была механиком самолета. Прошло восемь месяцев, и многое изменилось: Глаша стала штурманом. С Дусей она полетела на задание впервые. И вот теперь возвращалась с ней, с мертвой.

Дусю убили... Неужели убили?! Дуся- Лучший летчик в полку. Своенравная и резкая, веселая, остроумная, жизнерадостная. Таких или любят, или нет, но равнодушными к таким не остаются.

Время тянулось медленно. Рядом с самолетом бежала луна.

Та самая луна, которая провожала их до самой цели и потом так предательски осветила самолет. Но теперь она немного отставала и держалась на некотором расстоянии, поглядывая на самолет издали, как будто боялась к нему приблизиться.

Увидев знакомые огоньки аэродрома, Глаша словно очнулась от сна. Волнуясь, дрожащими руками она зарядила ракетницу. Ракету- Красную ракетуПредстояло самое трудное - посадить самолет. Сможет ли она?.. Двинуть ручку управления на себя было невозможно

Убрав газ, Глаша планировала на посадочную полосу, освещенную прожектором...

Утром после трагической ночи, когда кончились полеты, Бершанская сказала Ире:

- Себрова, перегоните самолет Носаль на основную точку.

Ирин самолет требовал небольшого ремонта, и его решили оставить здесь, на аэродроме "подскока", куда мы прилетали ежедневно для боевой работы.

- Есть! - ответила Ира, и мы пошли туда, где отдельно от других стоял Дусин самолет.

Провожая Иру, я задержалась на крыле, и мне бросилась в глаза забрызганная кровью фотография на приборной доске. На меня смотрел чубатый парень с орлиным носом и решительным ртом. В форме летчика, с петлицами. Это был Грыцько, Дусин муж.

И я вспомнила, как попала сюда эта фотография. После того как однажды в полете из отверстия на приборной доске вылез мышонок и страшно напугал Дусю, она решила заклеить отверстие. Потом ей пришла в голову мысль закрыть его фотографией.

Прикрепляя фото своего Грыця, она в шутливом тоне приговаривала:

- Вот. Пусть! Пусть попробует, что такое война. А то сидит себе там, в тылу. А жена должна воевать.

Грыць был инструктором в летной школе на Урале. Он готовил летчиков-истребителей, и его не пускали на фронт. Дуся часто вспоминала его. Они собирались воевать вместе. У них было горе. Большое общее горе.

Только один раз Дуся рассказала нам об этом. Слишком тяжело было вспоминать.

За несколько дней до начала войны у нее родился сын. В то время они с Грыцем жили в пограничном городе в Белоруссии. Дуся еще лежала в роддоме, когда рано утром началась бомбежка. Рухнули стены, развалилось здание. Дуся чудом осталась жива. Но она не могла уйти с того места, где еще

недавно стоял большой, светлый дом. Там, под обломками, лежал ее сын... Ее оттаскивали силой, а она скребла ногтями землю, цеплялась за камни...

Дуся старалась забыть все это. Она летала, летала и каждую ночь успевала сделать больше боевых вылетов, чем другие. Никто не мог угнаться за ней. Она всегда была первой.

...Через день мы хоронили ее. Она лежала в гробу строгая, с перебинтованной головой. Трудно было сказать, что белее - ее лицо или бинт...

Прозвучал салют. Три залпа из винтовок. Низко-низко пролетели парой краснозвездные истребители. Они покачали крыльями, посылая прощальный привет.

Свежий холмик вырос на окраине станицы. С деревянного памятника смотрела Дуся: темные крылья бровей, внимательный взгляд, упрямый подбородок.

Через несколько дней мы узнали из газет, что Дусе присвоено звание Героя Советского Союза. И кто-то нацарапал на свежей краске памятника: "Евдокия Носаль - летчик-герой".

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Солнечный летний день. С утра весь полк взбудоражен. Большое событие нам вручают гвардейское знамя. Уже четыре месяца, как мы гвардейцы, - и наконец торжественная церемония вручения. В штабе мне объявили, что приказом меня назначили знаменосцем полка. Значит, я должна буду нести гвардейское знамя. Как я справлюсь?

Наглаживаемся и причесываемся самым тщательным образом. И, конечно, надеваем юбки. Хочется хоть на один денек снова приобрести свой естественный вид. Правда, на ногах - сапоги. Туфель ни у кого нет, но не беда!

К нам на праздник приехали девушки из "сестринского" полка. Они летают днем на пикирующих бомбардировщиках. Здесь же, на Кубани. Теперь их полк носит имя Марины Расковой. Все мы радуемся вместе и, конечно, вспоминаем ее, Раскову. Вспоминаем, как ей хотелось видеть нас гвардейцами...

Церемония вручения знамени происходит на большой поляне возле пруда. Весь личный состав полка стоит в строю, по эскадрильям. Наступает торжественный момент. Командующий 4-й Воздушной армией Вершинин читает Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Хором мы повторяем клятву гвардейцев.

- Клянемся! - разносится далеко за пределы поляны.

И где-то в овраге гулко отдается эхо: "...немся!"

Наш командир Бершанская принимает знамя. Она становится на колено и целует край знамени, опушенный золотой бахромой.

Затем она передает гвардейское знамя мне, знаменосцу. Вместе со мной два ассистента: штурман Глаша Каширина и техник Катя Титова.

Знамя большое, ветер колышет тяжелое полотнище, и меня качает вместе со знаменем. Я еще не знаю, как с ним обращаться, но крепко держу древко. Это знамя мне теперь нести до конца войны.

Играет духовой оркестр. Радостное волнение охватывает меня, и я поглядываю на девчат: у всех настроение приподнятое, они чувствуют то же, что и я.

Проносим знамя вдоль строя. Впереди широким шагом идет Бершанская, за ней еле успеваем мы. Я чуть наклоняю древко вперед. Алый шелк с портретом Ленина развевается на ветру...

ТАЛИСМАН

Сквозь плотно занавешенные окна прорвался узкий солнечный луч. Как живой, заиграл тысячами светлых пылинок. Медленно пополз по одеялу. Это Галина койка.

А Галя не вернулась...

Слышно было, как ворочались на соломенных матрацах девушки. Никто не спал. Полеты были тяжелые.

Солнечный луч двигался дальше. Осветив кусочек стенки, он стал подкрадываться к кукле. Кукла - Галин талисман. Подарок знакомого летчика, который летал на "бостонах".

У куклы было семьдесят три боевых вылета. Она сидела, прислонясь к подушке, растерянно глядя в пространство. Вдруг неподвижное лицо ее оживилось, засветилось, как будто она вспомнила что-то хорошее. Но луч скользнул дальше - и оно погасло.

Я закрыла глаза. Спать, спать... Вечером снова на полеты.

Ты мой белый, шелковистый,

Не скучай, друг, без меня...

До войны Галя увлекалась прыжками. Это ее стихи о парашюте. Белый, шелковистый...

А Галя сгорела. У нее не было парашюта. Вместо парашютов мы брали дополнительный груз бомб.

Хорошо бы уснуть.

Это случилось вчера. Был обыкновенный вечер, такой, как другие. Поднимая пыль, рулили к центру поля самолет. Приземистые, похожие на стрекоз "ПО-2" раскачивались на ухабах. Ровный рокочущий гул стоял над аэродромом.

Но вот последний самолет пристроился сбоку к остальным. Мотор фыркнул и умолк. И сразу наступила тишина, Такая густая и липкая, что стало больно ушам и захотелось крикнуть: "А-аа-а!" Казалось, голос твой растает в тишине.

Я громко позвала:

- Галя!

- Чего, Нат?

Галя сидела сзади, в штурманской кабине. Зашелестела бумага.

- Мне показалось, что я оглохла. Но теперь слышу: квакают лягушки, ругаются механики...

- Машина развозит бомбы, кричит дежурный по полетам, - продолжила Галя.

- Ты пишешь? Письмо?

- Нет. Так просто. Пришло кое-что в голову.

- А-аа. Ну, пиши, - сказала я и подумала: "Стихи, наверное".

Она опять зашуршала бумагой - спрятала в планшет.

Я уселась в кабине поудобнее. Запрокинула голову - теперь я видела только небо и кусочек крыла. Можно было отдохнуть, даже вздремнуть: самолет, улетевший в дивизию за боевой задачей, еще не вернулся.

На землю спускались теплые летние сумерки. Очертания самолетов стали нечеткими, расплывчатыми. На небе выступили первые звездочки. Словно испугавшись, что появились слишком рано, они слабо мерцали в вышине. Их трудно было увидеть сразу. Но если выбрать небольшой участок неба и долго всматриваться в него, то обязательно найдешь две, три и даже пять неярких серебряных точек.

- На-ат, - сказала Галя, - почему-то мне все еще не верится, что мы полетим вместе. Странно...

Сердце у меня сжалось, словно кто-то сдавил его и не отпускал.

- Почему? - спросила я. Спросила очень тихо. Я знала почему.

- Никак не могу привыкнуть к тому, что ты летчик. Всегда мы были штурманами, и вот теперь... ты- - Голос ее становился все тише, и она умолкла совсем.

Мне стало жарко, на лбу выступили капельки пота. Я медленно, стараясь, чтобы Галя не заметила моего волнения, стянула с головы шлем, расстегнула воротник комбинезона.

Уже не в первый раз я испытывала это тягостное чувство. Мне было жаль Галю, до слез обидно за нее. И в то же время я чувствовала себя виноватой, словно отняла у нее самое дорогое, близкое сердцу. Мечту? Может быть.

Нас было пятеро. Пять девушек - штурманов, которые умели управлять самолетом. Все мы хотели стать летчиками. И Галя мечтала об этом. Может быть, больше всех. Но именно ей одной это не удалось.

Несчастный случай. Нелепость. Это произошло ночью между

вылетами. Пока механики ставили заплаты на пробоины в крыле, Галя прилегла отдохнуть. Она уснула в траве у самолета... Когда ее вынули из-под колес бензозаправщика, никто не надеялся, что она будет жить.

Потом госпиталь. Сломанный позвоночник долго не срастался. Спустя полгода Галя, не долечившись, вернулась в полк. И снова летала. Только о мечте своей больше не говорила.

Некоторое время мы молчали. Я не умела и не пыталась утешать Галю.

От земли, щедро нагретой за день солнцем, поднимался теплый воздух. Неслышными, легкими прикосновениями он успокаивал, и казалось, что погружаешься в мягкую, ласковую волну. Хотелось забыть обо всем, ни о чем не думать. Только сидеть так, не двигаясь, и ничего не видеть, кроме темного крыла на фоне неба и голубоватого мерцания звезд, чистых, только что родившихся.

Галя заговорила первая:

- Когда я вот так смотрю на звезды, мне кажется, что все уже было раньше. И я жила уже однажды, давным-давно. И вечер был точь-в-точь такой же.

Помолчав немного, она вдруг сказала совсем другим, глуховатым голосом:

- Знаешь, прошел ровно год с тех пор...

- Да. Июль.

- А мне кажется, что все это случилось только вчера.

- Не думай об этом.

- Если бы не ужасная боль по временам. Она мне постоянно напоминает. И так мешает.

- Ты слишком устаешь, Галка. Много летаешь. Так нельзя!

- Нет, я не о том. Я не могу не летать. И не могу простить себе, никак не могу!

- Но ты же не виновата!

- Виновата. Ранение в бою - это одно. А искалечиться просто так, ни за что ни про что - это совсем другое.

- Ты могла бы работать в штабе, - сказала я. - Но сначала все равно нужно вылечиться.

- А война? Я бы презирала себя всю жизнь. Другие умирают, а мне ведь только больно.

- Не все умирают. И потом, не обязательно, чтобы летала именно ты...

Я чувствовала, что говорю не то.

- Не надо, Нат, - попросила она.

Да, да, не надо. Все равно она будет летать. Будет, несмотря ни на что.

Описав дугу в полнеба, упала яркая звезда. Еще одна... еще.

- На-ат!

- Да?

- Ты задумала?

- Нет. Не хочется.

- А я задумала.

Спрашивать, какое желание, не полагалось. И мы сидели в своих кабинах, глядя, как темнеет вечернее небо.

Все чаще чья-то невидимая рука чертила по небу в разных направлениях четкие серебряные линии. Они появлялись неожиданно и тут же бесследно исчезали, внося что-то тревожное в неподвижную тишину вечера.

Я думала о Гале. Она всегда казалась мне сильной, целеустремленной.

Впервые я увидела ее в Москве, еще до войны. Прыгали парашютистки студентки авиационного института. С неба на зеленый ковер аэродрома опустилась девушка. Высокая, гибкая, она ловко "погасила" парашют, и белый шелк купола упал к ее ногам. Галю окликнули, и она обернулась. Темные, узкого разреза глаза, смуглое красивое лицо. Еще тогда я заметила в ее глазах какое-то особенное выражение радости. Словно ей было известно что-то очень хорошее, от чего растут крылья и удесятеряются силы, и словно радость эту она хочет отдать всем.

Да, Галя была удивительной девушкой. А могла бы я вот так же, как она? Переносить эту боль, жить с ней и летать, летать...

Не раз ей предлагали уйти с летной работы. Но она упорно не соглашалась. Однажды, когда командир полка осторожно заговорила с ней на эту тему, Галя пошла на отчаянный шаг.

- Вы думаете, что я не могу летать? Что мне трудно?

Глаза ее лихорадочно заблестели, она неестественно громко засмеялась и воскликнула:

- Смотрите!

Быстро запрокинув руки назад, она согнула колени и сделала "мостик". В первое мгновение все окаменели от неожиданности.

Выпрямившись, Галя стояла бледная как мел и улыбалась. Подбежавшая к ней командир полка смотрела на нее серьезно, нахмурив брови.

- Зачем же ты... так? - тихо сказала она. - Разве я не понимаю?..

Галю отправили в санаторий, но летать разрешили.

Приехала она оттуда счастливая. Привезла с собой куклу - подарок. В Галиной жизни появился Ефимыч, от которого стали приходить письма.

Когда над нашим аэродромом пролетала на запад девятка

"бостонов", все знали: это Ефимыч повел свою эскадрилью.

...Стемнело. Самолета с боевой задачей все еще не было. "ПО-2" стояли в шахматном порядке, готовые к вылету. Мелькал свет карманных фонариков механики проверяли заправку горючим.

- В детстве, совсем еще девчонкой, я мечтала о подвигах. И почему-то была уверена, что погибну как-нибудь трагически... Ты слушаешь меня, Нат?

- Да. А теперь?

- Потом все прошло. А сейчас... - Галя помедлила.

- Что сейчас?

- Я иногда опять чувствую себя девчонкой.

- Все это вздор. Через десять лет мы с тобой будем вместе вспоминать этот вечер.

- Не могу себе представить. Странно, почему? Я ведь так легко воображаю себе все, о чем думаю.

- Просто это еще очень не скоро.

- Странно... - повторила Галя.

- А талисман твой? - пошутила я.

- Я не верю в это.

- Кукла с тобой?

- Да. Но я беру ее просто потому, что она от Ефимыча.

- Сегодня пролетали "бостоны". Ты видела?

- Они вернулись без потерь. Всей девяткой.

Мне хотелось поговорить с Галей о рассказе, который она написала в наш полковой литературный журнал. Но что-то останавливало меня. Рассказ назывался "Кукла". О девушке-летчице, погибшей за Родину,

После нее осталась только обгорелая кукла-талисман. Ясно, что Галя написала о себе. Зачем она это сделала? Нарочно, чтобы испытать судьбу?

Но я только спросила:

- А он в самом деле такой... хороший, твой Ефимыч? Я прочла рассказ.

Она ответила не сразу.

- Не знаю. Может быть. Но я хочу, чтобы он был таким. Другим я его не представляю.

- А если он все-таки другой?

- Тогда... Нет, это невозможно. Я бы почувствовала.

...Послышался знакомый рокот - это возвращался самолет. Над стартом взмыла ракета. На несколько секунд из темноты вырвались силуэты самолетов, машин, людей. По земле пробежали длинные косые тени и быстро слились вместе. Ракета, рассыпавшись, погасла, оставив в воздухе светлый дымок.

Вскоре мы получили боевую задачу. Сразу на старте все ожило, задвигалось. Заработали моторы, забегали зайчики фонариков.

Я приготовилась включить мотор, как вдруг кто-то громко позвал:

- Докутович! Галя!

- Здесь! - отозвалась Галя.

К самолету подошла Женя Руднева, штурман полка.

- Минуточку!

Она взобралась на крыло и обратилась сразу к нам обеим:

- Девочки, как вы посмотрите на то, чтобы вас разъединить на сегодня?

- Почему?

- Видишь ли, Галя, летчик Аня Высоцкая из второй эскадрильи просит дать ей более опытного штурмана.

- А у них разве своих нет? - спросила я.

Мне не хотелось отдавать Галю. Да еще в другую эскадрилью.

- Мы уже все прикинули: по-другому менять состав экипажей нельзя. Цель сложная, а у Высоцкой всего два боевых вылета.

- Ну что ж, если так... - сказала Галя и неохотно начала вылезать из кабины.

Женя спрыгнула с крыла и ждала ее у самолета.

- Я знаю, Галочка, что не обрадовала тебя. Но это нужно. Прошу тебя, будь внимательна. Мне кажется, что Аня чувствует себя не совсем уверенно.

- Хорошо. Не волнуйся.

- Я почему-то боюсь за тебя, - вырвалось у Жени. - Как ты себя чувствуешь сегодня?

Она смотрела на Галю глазами, полными тревоги. Женя относилась к Гале с большой нежностью и уважением. Она знала, как ей бывает трудно, и все-таки верила в ее необыкновенную силу воли. Пожалуй, в полку она любила ее больше всех.

- Что ты, Женя! Все будет в порядке! - Галя тронула Женю за плечо и улыбнулась. Она уже повернулась, чтобы идти, когда Женя воскликнула:

- Постой, постой, я совсем забыла! Я и обрадовать тебя могу! - И протянула конверт.

Галя взглянула на письмо и спрятала его в планшет.

- Прочту, когда вернусь! - радостно сказала она и на прощание махнула рукой.

Усаживаясь в задней кабине, мой новый штурман удивленно воскликнула:

- Кукла! Какая чудесная! Чья она?

- Галя забыла. Беги скорей, отдай ей!

- Сейчас. - И она, взяв куклу, поспешила к старту, где стоял готовый к взлету самолет.

Через минуту она возвратилась.

- Опоздала! Уже улетела!

Приближалась наша очередь взлетать. Дежурный подал мне знак выруливать. В это время по взлетной дорожке, рассыпая снопы искр, бежал самолет. Там была Галя.

Самолет долго не хотел отрываться от земли. Но вот он, тяжело рыча, поднялся в воздух. Еще некоторое время были видны голубоватые огоньки выхлопов мотора. Потом ночная тьма поглотила его. Самолет улетел на запад. Туда, где стреляли зенитки, где в небо врезались ослепительно белые лучи прожекторов. Улетел, чтобы никогда больше не вернуться...

...Солнечный луч куда-то исчез. По-прежнему никто не спал. И кукла удивленно смотрела перед собой.

Хорошо бы уснуть...

Ты мой белый, шелковистый,

Не скучай, друг, без меня...

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

В одну из боевых ночей не вернулась из полета Ира, которая улетела на задание со штурманом Ниной Реуцкой. Я дежурила по части и узнала об этом только утром. Никто ничего не мог сказать о них толком, потому что их самолет вылетел последним.

Я ходила сама не своя, не зная, что думать. И вдруг они вернулись, приехав на попутной машине, живые и невредимые, с бледными, осунувшимися лицами.

Потом Ира рассказала подробно, как все произошло. В то время наши войска уже захватили плацдарм на побережье Керченского полуострова, и это спасло девушек.

...На востоке чуть рассеивалась ночная мгла, когда Ира, возвращаясь с очередного задания, подлетала к аэродрому. Близился рассвет.

Зарулив на линию старта, она собиралась выйти из самолета, но увидела, что к ней спешит Бершанская.

- Себрова, может быть, успеете до рассвета слетать еще раз?

Ира думала, что больше не придется. Восемь раз она уже бомбила цель в эту ночь и порядком устала. К тому же в последнем полете ей показалось, что временами мотор работал со стуком. Не мешало бы проверить. Но сказать об этом Бершанской сейчас, когда она стояла и ждала ответа, глядя на нее, Ира не смогла. Командир полка знала, что скоро будет светло, но все же спрашивала. Значит, надо было. Скажи ей Ира о моторе, и она бы немедленно запретила лететь. Но для проверки работы мотора потребовалось бы время, а каждая минута была дорога...

- Хорошо, - ответила она, чувствуя себя неловко, будто в чем-то провинилась. Ей показалось, что она даже покраснела.

- Как работал мотор? Нормально? - спросила техник Люба Пономарева, заливая в бак горючее.

Бензин широкой струей лился в горловину из шланга, тихонько шумел бензозаправщик, работая на малом газу, и, немного поколебавшись, Ира решила не отвечать Любе, сделав вид, что не расслышала вопроса.

- Бомбы подвешены! - крикнула девушка из небольшой группы вооруженцев, которые теперь уже не спеша отходили от самолета: они кончили свою работу.

- К запуску!

Проворная Люба уже стояла у винта. Прокрутив его, она крикнула, отбегая в сторону:

- Контакт!

Через минуту самолет бежал по полю навстречу занимавшейся заре.

Ирины опасения относительно мотора оправдались. Снова появился стук, но мотор тянул, и она решила идти к цели. На востоке, там, откуда должно было появиться солнце, светились розовые полоски над темным, в тучах горизонтом, а на западе еще оставалась ночь. От смешения тьмы и света в воздухе висела туманная мгла. Но с каждой минутой становилось все светлее...

Зенитки открыли огонь с запозданием. Видимо, не ждали такого позднего посещения. Они стреляли точно: разрывы окружили самолет. После каждой вспышки в небе оставался висеть темный дымок...

Отбомбившись, Ира взяла курс на восток. Наконец обстрел прекратился. Стало тихо-тихо. Совсем тихо, потому что мотор молчал. И неизвестно было, сам ли он остановился или же в него попал осколок. Громко затикали часы в кабине. Потом Ира почувствовала резкий запах бензина - вытекало горючее. Значит, все-таки осколок.

К счастью, линия фронта была близко.

- Будем садиться, - сказала Ира как можно спокойнее. Ей не хотелось пугать Нину, которой еще ни разу не приходилось садиться на вынужденную,

- А куда... садиться? - упавшим голосом спросила Нина.

Действительно, здесь, на небольшом клочке земли, который удерживали под Керчью наши войска, невозможно было найти площадку для безопасного приземления. Изрытая земля, вся в ямах и воронках, в колючей проволоке и надолбах, насквозь простреленная, израненная...

Самолет снижался в серую мглу, в неизвестность. Девушки

внимательно разглядывали землю, но так и не смогли выбрать места для посадки. Высота падала, на горизонте и по сторонам вырастали горы, и обеим казалось, что они опускаются в глубокий темный колодец.

Последние метры. Впереди Ира увидела черную массу, надвигавшуюся прямо на самолет. Пронеслась мысль: "Сейчас врежемся..." И колеса коснулись земли. Короткая пробежка - и самолет, круто развернувшись, уткнулся носом в землю. Правое колесо попало в воронку. Это было спасением: до крутого холма впереди оставались считанные метры.

Откуда-то появилась машина, из нее выскочили два солдата, спросили у девушек, не ранены ли, указали направление к пристани и уехали. На ходу крикнули:

- Не задерживайтесь: катер уйдет! Скоро начнется бомбежка!

Уже совсем рассвело. Осмотревшись, девушки молча переглянулись, пораженные тем, что увидели. Нет, им просто повезло. Рядом с самолетом лежал на боку танк со свастикой. С другой стороны были танковые заграждения, сзади - телеграфные столбы, за ними - разбитый истребитель.

Захватив с собой спасательные жилеты, которые выдавались на случай падения в море, Ира и Нина пошли к берегу. Там комендант пристани пристроил их на переполненный катер, который готовился к отплытию на Большую землю. Усталый, небритый, с воспаленными глазами, он нервничал, то и дело поглядывая на часы и торопя капитана катера: надо было успеть переплыть пролив до начала бомбежки. Авиация противника ежедневно по нескольку раз методично бомбила наш плацдарм на полуострове и пролив, не давая возможности подвозить подкрепления высадившимся в Крыму десантникам.

Наконец катер в море. Он до отказа забит ранеными. Под брезентом убитые, умершие от ран. И снова Ира почувствовала себя неловко: ведь только они вдвоем тут здоровые.

Один из раненых слабым голосом обратился к Ире:

- Девчата... из полка... Бершанской?

- Да.

- А... что?.. - Он чуть повел глазами в сторону Крыма. Ему трудно было говорить.

Ира догадалась.

- Да вот пришлось сесть там, в Крыму. Подбили нас. Теперь возвращаемся в полк.

- А-а-а... Пономареву... Любу знаете?.. Механиком она...

- Любу? Конечно, знаем! А кем она вам приходится?

- Сестренка... родная- Привет- скажите: видели

Он задергал верхней губой, хотел улыбнуться. Губы у него

были сухие, запекшиеся.

- Она к вам обязательно приедет. Куда вас положат, в госпиталь? Тут есть близко, в Фонталовской.

- Да- в живот- Не успею я...

Он устало закрыл глаза. Одними губами попросил:

- Пить...

Но воды не оказалось. Раненых было много. Они сидели, лежали, тихо стонали. Два санитара, измотавшись при погрузке, дремали, изредка поглядывая в сторону Крыма. Капитан тоже посматривал на небо, ожидая налета.

Большой участок пролива был заминирован, и катер плыл не напрямик, а по кривой. До причала оставалось уже несколько десятков метров, когда послышался нарастающий гул бомбардировщиков Через минуту весь пролив покрылся водяными столбами. Бомбы рвались и на берегу.

Под грохот взрывов катер причалил, и все, кто в состоянии был двигаться, бежали, шли и даже ползли на берег, укрываясь в воронках.

Только тяжелораненые остались на катере... Остался и Любин брат.

Ира и Нина пересидели бомбежку в глубокой яме. Бомбы рвались совсем близко, оглушая свистом и грохотом. Осколки и песок сыпались сверху в яму. Когда самолеты улетели, они выбрались, отряхиваясь, наверх и сразу увидели, что на том месте, где еще недавно покачивался на воде катер, было пусто, только обломки плавали да какие-то непонятные предметы. На берегу кто-то истерически кричал и лез в воду.

Спустя час девушки ехали в полк на попутной машине. Ира никак не могла забыть Любиного брата, его усталого, серого лица и тихо покачивающиеся на море обломки... Как сказать Любе? Эта мысль не выходила из головы.

Она рассказала ей сразу же. Люба не заплакала, только ушла к морю и долго сидела там одна на берегу.

А вечером Ира снова полетела на задание На резервном самолете. И Люба провожала ее в полет.

ЦЕЛЬ - БАГЕРОВО

Багерово - небольшая железнодорожная станция к западу от Керчи. Сюда приходили немецкие эшелоны. Они подвозили к фронту оружие, снаряды, подкрепления.

Мы уже не раз летали на эту цель и знали, что бомбить ее не просто. Стоило только нашему "ПО-2" приблизиться к станции, как сразу же включались прожекторы и зловещие длинные лучи устремлялись навстречу самолету. С высот, окружавших станцию, били зенитки.

В прошлый раз погода была отличная: чистое, звездное небо, ни облачка. В такую погоду можно подойти к цели неслышно: лезь себе вверх, сколько понравится, а потом планируй, приглушив мотор, и, осветив цель, бросай бомбы. Ну, а там уж как повезет. Во всяком случае, штурман успевает прицелиться и отбомбиться до того, как прожекторы схватят самолет.

А сегодня... Нет, неподходящая погода, чтобы бомбить Багерово!

Усаживаясь в кабине, мой штурман Нина Реуцкая сказала хриплым, простуженным голосом:

- Наташа, смотри, какая луна! Мы отлично увидим все на земле!

- И нас тоже с земли отлично увидят, - добавила я. - Видишь, как низко нависла облачность?

Нина - совсем молодой штурман. У нее пока еще не хватает опыта, чтобы распознать опасность там, где ее не ждешь. Да и вообще все на свете представляется ей в розовых тонах, так что мне часто приходится разочаровывать ее.

На мгновение задумавшись после моих слов, она осторожно спросила:

- Ты думаешь, что и над целью такая же погода?

Тонкие облака, освещенные луной, сливались вместе, образуя светлую пелену. Заволакивая все небо, она медленно плыла на высоте не более шестисот метров.

- Значит, придется бомбить ниже облаков? - допытывалась Ниночка.

- Ничего другого не остается!

Бомбить с малой высоты на фоне светлых облаков означало, что с земли самолет будет виден, как на экране. Нина, конечно, понимала это не хуже меня. Она еще раз изучающим взглядом скользнула по небу и потом некоторое время сидела молча.

Однако мрачные мысли редко приходили в голову моему штурману. А если и приходили, то очень ненадолго. Уже спустя минуту она как ни в чем не бывало мурлыкала себе под нос веселую песенку, забыв о луне, облаках и зенитках.

Скорее всего, она была права: зачем волноваться раньше времени?

Нина пришла к нам в полк в сорок третьем, когда мы воевали уже полтора года. До этого она работала связисткой, тоже на фронте. Ей не было еще и девятнадцати, хотя ростом, она, пожалуй, перегнала всех наших девушек. Очень юная и очень непосредственная, с добродушно-доверчивым выражением светлых глаз и ямочками на щеках, она вызывала к себе чувство умиления, какое обычно испытывают к детям.

Она никогда не унывала, не сердилась. Ни трудностей, ни страха она не испытывала.

Первое время мне казалось, что Нина просто не понимает, что на свете существует зло, опасность, несчастье. Потом, когда я узнала ее лучше и привыкла к ней, я поняла, что у нее просто счастливый характер: любая сложная задача казалась ей легкой, за всякое дело она бралась с охотой и радостью.

Штурманом Нина стала уже в полку, занимаясь вместе с другими девушками в специальной группе. Летала она с удовольствием и почему-то очень верила в меня, в мои летные способности. Сама я далеко не так была уверена в своих силах, хотя, впрочем, не разубеждала своего штурмана.

Дождавшись своей очереди взлетать, я запустила мотор, и через каких-нибудь три-четыре минуты мы взяли курс в сторону Керченского пролива.

Вскоре впереди заблестело море, затем показались темные очертания берега. За проливом начинался Керченский полуостров.

Линию фронта мы пересекли, набрав предварительно "солидную" высоту, метров восемьсот, чтобы лететь выше облаков.

- Запас высоты не помешает, - сказала я Нине, - а спуститься ниже мы всегда успеем.

Отсюда, "свысока", мы посмеивались над немецкими прожектористами. Ползающие по облачности светлые пятна говорили о том, что они пробовали достать наш самолет.

Но вот настало время спуститься ниже. Я спланировала до пятисот метров, и мы очутились под нижней кромкой облаков. Перед нами как на ладони лежала станция. Поблескивая под луной, плавно изгибалась линия железной дороги. Светлели здания, от которых расходились ленты проселочных дорог.

До цели оставалось лететь две минуты Чтобы сохранить высоту, я плавно увеличила газ. Самолет летел, разрезая носом рыхлые сырые клочья, то входя в облака, то выныривая из них.

Мы летели низко. Наш "ПО-2" выделялся на фоне освещенных луной облаков, и у меня было такое ощущение, будто я иду по улице без платья. Мне снился когда-то такой сон. Просто забыла надеть платье. Все смотрят, а спрятаться некуда.

Вероятно, Нина чувствовала то же самое, потому что она сказала:

- Давай пройдем еще чуть-чуть в облаках.

А станция все ближе Сейчас нас обнаружат. Впрочем, там, внизу, уже, конечно, слышат самолет. Только выжидают. Это самый неприятный момент, когда ты знаешь, что наверняка будут

стрелять, но пока еще не стреляют, молчат. И ты ждешь: вот сейчас... еще секунда... нет, две... Ну, что же они медлят?!

Вокруг все тихо. Так тихо, что даже привычный звук мотора куда-то исчезает. Но уже в следующее мгновение все может измениться.

В такие моменты у меня в желудке появляется ощущение холода. Как будто я проглотила лягушку, и она там шевелится, скользкая и холодная. Я знаю, что лягушка - это страх. Обыкновенный противный страх перед тем, что сейчас начнется. И злюсь сама на себя, потому что все равно я пройду через все то, что меня ждет.

Как всегда, прожекторы включились внезапно, хотя к этому я приготовилась заранее. Они схватили наш самолет сразу, им не пришлось даже искать его.

Нина бросила осветительную бомбу. Еще одну. Они повисли в воздухе, и стало очень светло. Мы отчетливо увидели эшелоны на путях. Не обращая внимания на прожекторы, Нина занялась прицеливанием. Я выдерживала боевой курс, стараясь не смотреть по сторонам и на землю, где ослепительно горели зеркала прожекторов.

Наш "ПО-2" - в перекрестье лучей, а мне нельзя даже немного свернуть с курса. Иначе - промахнешься. И я вдруг почти физически ощутила, как кто-то цепкими пальцами медленно сдавливает мне горло. А сопротивляться нельзя...

Рявкнула первая зенитка. За ней - еще одна. И еще. Разрывы ложились где-то выше. Но зенитчики быстро исправили ошибку. Яркие вспышки приблизились к самолету. Снаряд разорвался прямо впереди, и мне инстинктивно захотелось свернуть, бороться, вырываться из лучей!.. Как трудно удержаться! Секунды... секунды... Иногда они кажутся часами.

Наконец цель под нами. Самолет качнуло. Это оторвались бомбы.

- Готово, - сообщила Нина и, как всегда, наполовину высунулась из кабины, глядя на землю. Каждый раз я боялась, как бы она не выпала оттуда вслед за бомбами.

Заложив глубокий крен, я увидела взрывы на станции. Вспыхнуло пламя.

- Попали! - закричала Нина хриплым голосом.

Но я не успела рассмотреть, что именно горело: мне было не до цели. Рядом с самолетом раскатисто, с сухим треском рвались снаряды. Сразу со всех сторон. Пахло порохом, гарью.

Мысли вертелись вокруг одной, главной: быстрее уйти, выйти из-под обстрела. Бросая самолет из стороны в сторону, я стремилась избежать прямого попадания снаряда, угадывая, где

разорвется следующий. Изо всех сил выжимала скорость. Ветер свистел в ушах, дрожал самолет, но мне казалось, что он висит на месте,

Сначала Нина срывающимся голосом пробовала подсказывать мне, как маневрировать. Потом замолчала - бесполезно.

Мы уходили на север, в море. Сюда было ближе, чем до линии фронта, да и ветер не был встречным.

От каждого залпа зениток самолет вздрагивал. Хотелось сжаться в комок, спрятаться поглубже в кабину. Я невольно пригибала голову.

А сзади сидела Нина и молчала. Мне некогда было сказать ей даже слово.

И вдруг мне показалось, что она молчит потому, что с ней что-то случилось. Испуганно я заорала в переговорную трубку:

- Нина! Нина!

- Что такое? Наташа, что с тобой? - встревоженно спросила она сиплым шепотом.

- Ничего, ничего, - ответила я, сообразив наконец, что она, видимо, сорвала голос. Поэтому ее и не слышно.

Самолет быстро снижался: маневрировать можно было только за счет потери высоты. Прибор показывал 400 метров, потом 300... 200... Впереди совсем близко отливало сталью море. Мы медленно приближались к нему. Прожекторы не выпускали нас, пока мы не оказались низко над водой. Уже перестали стрелять зенитки, уже замелькали под крылом белые барашки волн, а лучи все продолжали держать наш самолет, опускаясь вместе с ним все ниже, ниже. Они почти легли на землю, освещая холмы, редкие деревья на берегу. Вероятно, немцы ждали, что мы упадем в воду.

Когда наконец лучи погасли и до нас с Ниной дошло, что "наша взяла", я спросила ее:

- Ну, как самочувствие?

- Нормально, - прохрипела она. - Посмотри на плоскости!

Я увидела две большие дыры, в нижнем крыле. Насквозь просвечивало верхнее. Лонжерон был перебит. Словно флаги, болтались куски перкали.

- Ничего, долетим, - сказала я преувеличенно бодрым голосом, а сама еще раз подвигала рулями. Нет, управление не перебито, все в порядке.

Я подвернула самолет ближе к берегу, и вскоре под нами стала проплывать крымская земля, пересеченная оврагами, изрытая траншеями. Где-то здесь проходила линия фронта.

Внезапно я почувствовала слабость во всем теле, ноги мои затряслись, запрыгали, стуча о пол кабины. Я сняла их с педалей, попробовала прижать колени руками. Потом вытянула,

расслабила - ничего не помогало. Ноги продолжали танцевать и совершенно не слушались меня.

Я приуныла. Все страхи остались позади, мы летим домой. Что же это со мной? Мне было не по себе. Однако Нине я ничего не сказала.

В это время раздался ее сиплый голос:

- Наташа, давай покричим.

"Покричим" значило, что мы должны убрать газ и на малой высоте поприветствовать наземные войска (крикнуть "Привет, пехота!" или что-нибудь в этом роде). Многие верили, что пехота их хорошо слышит, и честно "кричали", снижаясь над передовой. И мы с Ниночкой при удобном случае проделывали то же самое.

Но в этот раз мне совсем не хотелось "кричать". Да и не было желания выяснять, шутит Нина или нет. И я сердито ответила ей, что кричи, мол, сама: твой голос услышат лучше.

Как бы там ни было, а ее предложение вывело меня из угнетенного состояния. Ноги мои постепенно успокоились.

Над проливом облаков уже не было. На море сверкала лунная дорожка. До самого аэродрома мы летели в ясном небе. Тихо и мирно светили звезды.

Еще издали я увидела стартовые огни. Несколько неярких огоньков на земле. Там нас ждали. Там был наш дом.

ЖЕНЯ РУДНЕВА

Впервые я увидела ее в Москве, в здании ЦК комсомола, где заседала отборочная комиссия. Она пришла вместе с другими студентками Московского университета. В то время Женя Руднева уже перешла на четвертый курс. Меня поразили ее глаза - большие, серо-голубые, умные. Светлая коса вокруг головы, нежное лицо с легким пушком на коже, мягкие медлительные движения.

Мы потом вместе учились в штурманской группе. На занятиях она всегда задавала вопросы: ей хотелось знать все до мелочей. И пожалуй, в полку не было штурмана лучше Жени, хотя до войны она не имела никакого отношения к авиации.

Сначала на фронте она была рядовым штурманом. Но уже через год ее назначили штурманом полка. Знания ее были бесспорны, однако на должность эту назначили ее с опаской: а вдруг не сумеет? Не отличалась Женя ни бравым видом, ни военной выправкой. Не умела ни бойко говорить, ни даже быть строгой.

Среднего роста, немного сутуловатая, с неторопливой походкой, она совершенно не была приспособлена к армейской жизни. Военная форма сидела на ней нескладно, мешковато, носки сапог загибались кверху. Да она как-то и не обращала

внимания на все это. Занятая своими мыслями, что-то решая, сосредоточенно обдумывая, она, казалось, жила в другом мире...

Был апрель 1944 года. Под Керчью готовилось большое наступление наших войск. Мы летали каждую ночь. Враг упорно сопротивлялся. Вдоль короткого отрезка линии фронта, которая протянулась от Керчи к северу до Азовского моря, было сосредоточено много зениток и зенитных пулеметов, прожекторов, автоматических пушек "Эрликон".

Когда стреляет "Эрликон", издали похоже, будто кто-то швыряет вверх горсть песку. Каждая песчинка - снаряд. Все они в воздухе взрываются, вспыхивая бенгальскими огнями. Получается облако из рвущихся снарядов. И если самолет попадет в такое облако, то едва ли выберется из него целым: "ПО-2" горят как порох.

Однажды Бершанская поставила нам задачу: бомбить укрепленный район немецкой обороны севернее Керчи. Перед вылетом Женя Руднева предупредила нас:

- В районе цели - сильная ПВО. Остерегайтесь прожекторов. Штурманы, проверьте, пожалуйста, еще раз расположение зенитных точек.

Она собрала штурманов отдельно и что-то объясняла им. Или, может быть, давала задание. Женя никогда не приказывала. Она просто не умела командовать. Распоряжения она давала не по-военному, а тихим, доверительным, совсем домашним голосом. И не было случая, чтобы кто-нибудь не выполнил ее приказа-просьбы.

...Мы с Ниной уже возвращались с боевого задания, когда сзади зажглись прожекторы. Сначала я подумала, что это нас они ловят. Но лучи потянулись в другую сторону и, пошарив в небе, замерли, скрестившись. В перекрестье светлел самолет.

И сразу же снизу, прямо по самолету, швырнул горсть снарядов "Эрликон". "ПО-2" оказался в центре огненного облака. Спустя несколько секунд он вспыхнул и ярко запылал. Некоторое время горящий самолет продолжал лететь на запад: видимо, штурман еще не отбомбился по цели. Вскоре на земле появились вспышки - взрывы бомб. А самолет стал падать, разваливаясь на части.

Мы смотрели, как, кружась в воздухе, несутся вниз пылающие куски самолета, как вспыхивают цветные ракеты.

Это был экипаж, вылетевший на цель вслед за нами.

Мы не знали, кто из девушек вылетел за нами следом.

Я старалась не думать о том, что происходит сейчас там, в горящем самолете. Но не думать об этом я не могла. Мне казалось, что я слышу крики... Они кричат... Конечно же, кричат!

Разве можно не кричать, когда горишь заживо!..

Весь обратный путь мы молчали. Я летела, как во сне. Иногда приходили сомнения: а может быть, и в самом деле ничего не было? Только страшный сон?.. Я уже видела его однажды. Уже видела...

Как только я села, к нам подбежали:

- Кто прилетел?

На земле уже знали, что сгорел "ПО-2". Это видели и другие экипажи. Оставалось неизвестным - кто сгорел. К каждому самолету, который садился, бежали:

- Кто прилетел?

Все возвращались в свое время. Не было только одного самолета. И тогда стало ясно: сгорели летчик Прокофьева и штурман полка Женя Руднева.

Прокофьева прибыла в полк недавно. Она делала свои первые боевые вылеты. А Женя, как всегда, полетела на задание с малоопытным летчиком. Она считала своим долгом "вывозить" молодых, еще "необстрелянных". С Женей, штурманом полка, они чувствовали себя уверенней.

В следующем полете меня не покидала мысль о Жене. Казалось просто невероятным, что ее больше нет. Без нее, без Жени, трудно было представить наш полк. Шестьсот сорок четыре раза летала она через линию фронта на боевые задания. И всегда возвращалась.

Мой самолет летел по тому же маршруту, что и час назад. И кругом все оставалось таким же, как и тогда, ничего не изменилось - извилистая черта берега, светлые полоски дорог на земле. Из того же места, где и раньше, из небольшого поселка, стрелял миномет, и красные шары летели на запад, в ту же точку, что и раньше. Ничего не изменилось. Только Жени больше не было... Вероятно, на том месте, где упал самолет, еще остался еле заметный костер. А может быть, он уже догорел...

Женя верила в то, что она "везучая" и с ней ничего не может случиться. Еще вчера как-то между делом она продекламировала стихи Суркова:

Под старость на закате темном,
Когда сгустится будней тень,
Мы с нежностью особой вспомним
Наш нынешний солдатский день...

Мне вспомнилось отступление. Ненастный, дождливый день. Мы собрались в каком-то сарае и ждали, когда кончится дождь, чтобы идти на полеты. Женя сидела прямо на соломе, поджав под себя ноги, прислонившись к стенке сарая и слегка откинув голову.

- ...Когда Тристану сказали, что приплыл корабль с черными парусами, он тяжело вздохнул, в последний раз прошептал имя Изольды и умер...

У Жени был нежный и певучий голос. Она могла говорить часами, не уставая. Негромко, неторопливо, иногда умолкая, чтобы мы могли прочувствовать то, о чем она рассказывала.

Шумел дождь, стучал о доски сарая. Протекала дырявая крыша. Веселые струйки воды, танцуя, падали вниз и исчезали в соломе. Тесно прижавшись друг к другу, мы сидели, полулежали на сырой соломе, в промокших комбинезонах, не замечая дождя и холода, забыв о войне и отступлении. Перед нами поблескивало море и вдали на волнах качался корабль...

- Женя, расскажи еще что-нибудь!

- О Нарциссе.

- Нет, лучше сказку...

Женя любила рассказывать. Она знала множество сказок, мифов. Но с особенным удовольствием говорила она о звездах, о таинственной Вселенной, у которой нет ни начала, ни конца. Иногда в полете в свободную минуту она неожиданно обращалась к летчику:

- Посмотри, видишь - справа яркая звезда? Это Бетельгейзе...

И рассказывала об этой звезде, вспоминая древний миф об Орионе.

Женя не сомневалась в том, что после войны снова вернется в университет, чтобы заниматься астрономией, любимой наукой, которой решила посвятить свою жизнь. Войну она считала временным перерывом. На войну она просто не могла не пойти: это был ее долг.

- Наташа, вон костер - видишь? - сказала Нина, когда мы приблизились к цели.

Я и сама увидела его. Я искала глазами это место уже давно. Но был ли это тот самый костер? В стороне, чуть левее, еще один и еще... А где же тот? Или тот уже погас?

Через день началось большое наступление в Крыму. Был апрель. Мы двигались вперед, на запад, пролетая над местами боев, над искромсанной, насквозь простреленной землей. И где-то на этой земле, недалеко от Керчи, среди разбитых танков, машин, среди обломков самолетов, воронок и траншей осталась неизвестная могила наших девушек.

ПЫЛАЕТ ВРАЖЕСКИЙ САМОЛЕТ

Третью неделю у меня кружится голова. Вероятно, от переутомления. На земле это не страшно. А в воздухе приходится постоянно держать себя в напряжении. Только ослабишь напряжение - как звезды моментально начинают вращаться

вокруг самолета и кажется, будто это сам самолет разворачивается.

Иногда я засыпаю в полете. Это случается, конечно, в спокойной обстановке. Засыпаю на несколько секунд, и в течение этих коротких секунд мне снятся длинные сны... Просыпаюсь всегда от шума мотора: вдруг начинаю его слышать, вздрагиваю и, открыв глаза, озираюсь, пытаясь как можно быстрее сообразить, что к чему и где я...

Полковой врач Оля Жуковская выдает нам специальный шоколад "Кола", чтобы мы бодрствовали всю ночь. Мы съедаем его пачками, однако спать все равно хочется.

Но сегодня не поспишь: в Севастополе работает около тридцати прожекторов...

Густая, черная ночь нависла над Крымом. Мой самолет медленно летит во тьме, забираясь все выше, выше. Время от времени далеко впереди зажигаются прожектора. Там - Севастополь. Ползают по небу светлые лучи, а между ними вспыхивают искорки. Это бьют зенитки. Наконец лучи перестают качаться, скрестившись в одной точке.

- Кто-то из наших попался, - замечает Нина сдержанно и надолго замолкает. Возможно, она думает о том, что и нас ждет та же участь: отступая, враг сосредоточил на небольшом участке, в районе Севастополя, массу прожекторов и зениток.

Наша цель - действующий аэродром под Севастополем. Он работает днем и ночью. Немецкие самолеты совершают рейсы в Румынию и обратно.

К цели подходим на высоте двух тысяч метров. В первом полете нас держали прожектора. Их было много, Нина насчитала больше двадцати. Мы это учли.

Я заранее убираю газ. Снижаемся. Видим: на аэродроме включены посадочные знаки, рулят самолеты с зажженными навигационными огнями. У нас разгорелись глаза: сейчас мы их накроем! Только бы нас не обнаружили раньше времени.

Меня охватывает азарт.

- Целься получше, Нина! Такой случай еще не скоро подвернется!

Тихо. Кругом непроглядная тьма, а внизу огни самолетов и посадочное "Т" из электролампочек. Такое ровненькое, аккуратненькое "Т". Видимо, там ожидают самолет Из Румынии.

Мы продолжаем планировать. Посадочные знаки становятся все крупнее, ярче. Я забываю обо всем на свете. Ничего в мире мне сейчас не нужно; единственное мое желание - разбомбить вражеский самолет.

Нина вертится в кабине, нервничает. Но вот она замирает на

некоторое время, прицеливается. Я чувствую, как самолет качнуло: оторвались бомбы. Грохот. Взрыв с пламенем. И сразу ослепительный свет: включились прожектора. Шаря по небу, они ловят нас где-то гораздо выше.

И там же, высоко, вспышки и треск зенитных разрывов. А мы низко...

Проносится мысль: сейчас дам газ, нас услышат и сразу схватят! Тогда не выбраться. Стрелка высотомера приближается к тремстам метрам. Мы слишком увлеклись, забыв о высоте. Земля совсем близко! Внизу я вижу шоссе, идущее к аэродрому, вдоль него - деревья...

От множества прожекторов на земле светло.

Больше снижаться нельзя, и я даю полный газ: вот теперь нам достанется! Но внезапно, к моему удивлению, наступает полная тишина. Молчат зенитки, погасли прожектора. Только на земле пылает самолет.

Совершенно свободно мы уходим в сторону моря. Что же случилось? Оставалось только гадать: то ли немцы приняли наш самолет за свой, когда услышали шум мотора так низко над головой, то ли в самом деле прилетел из Румынии их самолет и они боялись сбить его. Что ж, в любом случае нам повезло.

ВТОРОЙ БЕЛОРУССКИЙ

Сюда мы прилетели, совершив большой прыжок из Крыма. Мелитополь, Харьков, Брянск... Теперь мы - в составе Второго Белорусского фронта.

Базируемся временно в Сеще. Здесь все взорвано - городок, ангары, склады. Земля изрыта, перекопана. Еще до войны тут был огромный аэродром. Немцы тоже его использовали: это была крупная авиационная база.

Живем в больших землянках, хорошо оборудованных. А поднимешься по ступенькам наверх - и попадешь в светлый мир берез. Кругом - одни березки. Тонкие, совершенно прямые стволы устремляются к небу.

В Сеще мы сидим неделю в ожидании, когда к нашему полку прикрепят БАО (батальон аэродромного обслуживания) и приготовят для нас площадку поближе к линии фронта.

Здесь мы встретились с французскими летчиками из эскадрильи "Нормандия". Невысокий француз в летной щеголеватой форме, с небольшими усиками и живым лицом улыбнулся и заговорил со мной на ломаном русском языке:

- Мадемуазель лейтенант .. на самолет?

Я постаралась объяснить ему, что мы действительно летчицы и бомбим немцев ночью. Он, видимо, знал о нашем существовании, обрадовался, как старый знакомый, и стал быстро

рассказывать что-то на своем языке. Потом спохватился и снова перешел на русский, отчаянно при этом жестикулируя.

На прощание он поцеловал мне руку и галантно поклонился, широким жестом выражая свое восхищение: женщины-летчицы! Это великолепно!

Из Сещи мы перелетаем в глухое лесное место - Пустынский монастырь. Здесь действительно пустынно: только лес, мы да еще комары. Отсюда мы делаем свои первые вылеты в Белоруссии. Бомбим врага в районе Могилева, работаем по переправам. На нашем фронте готовится большое наступление.

Ночи здесь удивительно коротки - не дольше трех часов. Поздно наступает темнота, и рано начинается рассвет. Да, собственно говоря, и темноты настоящей, такой, как на юге, нет. В северной стороне небо остается светлым всю ночь, поэтому в воздухе просто сумрачно, как бывает в предрассветный час.

Местность очень отличается от той, к которой мы привыкли, летая на Кавказе, на Кубани, в Крыму. Ни тебе моря, ни берега, ни гор; и только изредка - большая река. Сплошное однообразие - леса и леса, а среди лесов множество деревушек, озер и мелких речушек. И все они схожи. Сначала ну просто не отличишь!

Мы подробно изучаем район полетов, и каждый кусочек карты оживает, открывает нам свое лицо, свои черты, характерные только для этого района.

Хорошо подготовленное наступление началось в июне. Наши войска вбили клин в немецкую оборону, расширили его и погнали врага безостановочно на сотни километров. Мы едва успевали догонять его.

Второй Белорусский фронт под командованием маршала Рокоссовского успешно наступал, расчленяя вражеские войска на отдельные группировки и уничтожая их по частям. Иногда в окружении оказывалось сразу несколько фашистских дивизий. В разгроме таких группировок приходилось участвовать и нам, бомбардировщикам. Во время наступления мы впервые увидели близко пленных немцев. Колонны и группы пленных, идущих под конвоем на сборный пункт, стали обычной картиной летом сорок четвертого. Пленных захватывали в бою, но часто они сдавались сами. Даже к нам в полк приходили сдаваться. Прямо на аэродром...

На посадку заходил самолет. Планируя на последней прямой после четвертого разворота, летчик помигал огнями. Это была просьба включить посадочный прожектор.

Дежурная по полетам Надя Попова дала команду:

- Прожектор!

Самолет уже приближался к земле, когда со старта

взметнулась вверх красная ракета и Надя крикнула:

- Выключить прожектор!

Она запретила посадку, и самолет, прогудев над стартом, ушел на второй круг. Снова мягкий свет осветил посадочную полосу, и все увидели на ней человека с поднятыми руками, который шел прямо через поле. Видимо, он не понимал, что это опасно. Он направлялся к нам. Мы сразу догадались, что это немец. Шел сдаваться в плен.

Мы видели однажды на посадочной полосе зайца, метавшегося в свете прожектора, видели собаку, бежавшую через поле. Даже корову. Но немца еще не видели.

Ему крикнули, замахав руками:

- Быстро! Schnell!

Уже другой самолет снижался для посадки, и немец, поглядывая на него, побежал, продолжая держать руки поднятыми Он, запыхавшись, подошел к нам и остановился, растерянно скользя взглядом по нашим лицам. Определив, что старшая здесь Бершанская, немец пробормотал что-то невнятное. Он, конечно, никак не ожидал, что ему придется сдаваться в плен женщинам. Выпучив глаза, стоял как вкопанный. Командир полка резко повернулась к Наде и приказала:

- Вызовите кого-нибудь из батальона обслуживания. Пусть возьмут его!

Вскоре солдаты, развозившие бомбы, отвели немца в деревню. Это был наш первый пленный.

Но случалось и по-другому.

...Наша летная площадка находилась на окраине деревни. Сразу за ней большая поляна и густой, высокий лес. Обнаружив в траве землянику, мы рассыпались между деревьями, собирая ягоды. Постепенно зашли мы далеко в лес. Хорошо была слышна перестрелка. За шоссейной дорогой, пересекавшей лес, держали оборону немцы, отрезанные от своих основных войск. Стреляли уже часа два. Сначала мы ходили с опаской. Потом, привыкнув к стрельбе, перестали обращать на нее внимание. Но когда начали палить где-то рядом, мы решили все-таки возвратиться в деревню.

Никто не заметил, что с нами не оказалось Ани Елениной.

Вскоре в деревню пришел сержант.

- Где тут командир? - спросил он зычным голосом.

Близко находилась начштаба Ирина Ракобольская.

- В чем дело?

- Вот, понимаете, товарищ капитан, поймали в лесу какого-то человека... В нашей форме. Говорит, женщина

Ракобольская улыбнулась уголком рта и опять продолжала слушать сержанта с серьезным видом.

- Говорит, что из летного полка. И что женщина - повторил сержант. - А вроде нет...

- Так как же все-таки - женщина или нет? - не выдержала и засмеялась Ракобольская.

Он замялся. Покашлял в кулак и, поколебавшись, сказал:

- Вот вы похожи, а тот - ну никак!..

- Документы смотрели? Не помните фамилии?

- Нет, не помню. И карта у него... у нее с пометками.

Он неуверенно произнес последние слова и замолчал, поводя глазами то вправо, то влево. Девушки, проходившие мимо, все, как одна, были в брюках и гимнастерках. С короткой стрижкой, в пилотках, многие были похожи на парней.

Ракобольская ждала, что же еще скажет сержант.

- Ну?! Так что же вы хотите?

Он переминался с ноги на ногу, очевидно поняв, что вышла ошибка.

- Разобраться бы надо... Может, и вправду женщина

Она весело сверкнула глазами:

- Пойдемте.

Спустя некоторое время начштаба вернулась со своим заместителем Аней Елениной, освободив ее из "плена". Аня, смеясь, рассказывала, что ее приняли за шпиона. Высокая, худощавая, она была похожа на юношу. Энергичное лицо, на коротких волосах пилотка. И в довершение всего - планшет с картой, которые сразу же вызвали подозрение...

ЗАДАНИЕ - ДОСТАВИТЬ БОЕПРИПАСЫ

Небольшой прусский городок примыкает вплотную к железной дороге. Мы поселились в просторном доме с множеством комнат. Рассказывают, что здесь была школа разведчиц. Действительно, в нескольких комнатах стоят деревянные койки с матрацами. В библиотеке много политической литературы, особенно на русском языке Маркс, Ленин, история Коммунистической партии...

В городке еще свежи следы наступления. Вчера здесь прошли наши танки и пехота. Городок совершенно пуст, ни одного жителя. Двери покинутых домов распахнуты, окна разбиты. Кое-где лежат убитые.

В стороне от городка имение. Вокруг главного здания разбросаны группами мелкие постройки. В загородке надрывно ревут недоеные коровы...

Весь день с короткими перерывами идет снег.

Вечером отправляемся на полеты. Идем, еле волоча ноги: снег сырой, липнет к унтам. Дороги к аэродрому нет. Да, собственно, и аэродрома-то нет. Обыкновенное поле, на котором

расчищена довольно узкая взлетно-посадочная полоса. Наши "ПО-2" переведены с колес на лыжи. Еще ни разу на фронте нам не приходилось летать с лыжами: две зимы мы воевали на юге. А я и вовсе никогда не пробовала взлетать или садиться на самолете, оборудованном лыжами, и поэтому ощущала некоторую неуверенность.

В этот день, собираясь на полеты, я старалась делать все так, как делала вчера, позавчера. И ничего по-другому. Так было спокойнее, хотя некоторое чувство тревоги все-таки оставалось.

Сегодня боевая задача - доставить боеприпасы группе наших войск, которая оказалась отрезанной от основных сил. Наступая, эта группа вырвалась далеко вперед. Боеприпасы у них подходили к концу.

Погода нам явно не благоприятствует. Валит густой снег. Временами он прекращается, из-за туч выскальзывает месяц.

Меня назначили разведчиком погоды. Я должна определить, можно ли пройти к цели. Если можно, то дойти до нее и выполнить задание: сбросить ящики с боеприпасами в строго определенное место.

Бершанская сказала, подозвав нас с Ниной:

- Задание важное. Люди сидят без патронов. Если через полчаса не вернетесь, значит, буду считать, что к цели пробиться можно. Начну выпускать остальные самолеты.

Перед полетом у меня кошки скребли на сердце: смогу ли взлететь на лыжах? Ведь в первый раз, да к тому же на каждом крыле - по четыре тяжелых ящика.

Самолет долго скользил по снежному полю, но так и не оторвался. Вернее, просто я не сумела его оторвать от земли. Рассердившись на себя (в душе я чувствовала, что так и будет), я зарулила назад и снова начала взлет. Теперь у меня уже был некоторый опыт. Набрав достаточную скорость, я поддернула ручку управления посильнее - и самолет оказался в воздухе.

И вот мы летим. Нина вертится в кабине, что-то проверяя, прилаживая. Ящики с патронами связаны системой веревок, концы которых находятся в кабине штурмана. Система, прямо сказать, ненадежная, и, видимо, Нина сомневается, сработает ли она как следует.

Сначала Нина не говорит мне о своих сомнениях. Но потом не выдерживает:

- Знаешь, Наташа, по-моему, они не упадут.

- Кто?

- Да ящики эти. Тут все запуталось.

- Подожди, надо еще долететь.

Под нами проплывает прусская земля. И как-то особенно

остро чувствуешь, что она чужая. Совсем чужая. Мрачно темнеют лесные массивы. Враждебно притаились внизу села, хутора. С темными дорогами, расходящимися в разные стороны, они напоминают черных пауков.

Снова пошел снег. Некоторое время мы летим вслепую. Видимости никакой. Мелькает мысль: а не повернуть ли назад? Но я знаю: снег - это временно, облачность не сплошная. Значит, можно пробиться.

И действительно, вскоре мы выскакиваем из полосы снега. Впереди в форме подковы темнеет лесок - мы летим точно по маршруту. Дальше - развилка реки, за большой излучиной - наши. Они нас ждут. Им нужны патроны.

Внезапно ровный гул мотора прерывается. Короткие хлопки... перебои... Высота уменьшается... Сердце екнуло: неужели садиться?

Я двигаю рычагами. Подкачиваю бензин шприцем. Только бы не заглох мотор... Вытянуть бы...

Самолет планирует, теряя высоту. Мотор фыркает и - умолкает...

Неужели совсем?! Снова короткое фырканье... Ну, миленький, давай, давай! Не подведи!

Постепенно он "забирает". Я прислушиваюсь: работает нормально. Видимо, в бензопровод попало немного воды.

Летим дальше. Низко нависла облачность. Сейчас опять пойдет снег. Успеем ли?

Наконец под нами река. Пересекаем развилку. На земле треугольник, выложенный из костров. Снизившись до ста метров, пролетаю над огнями. У костров на светлом снегу фигурки людей. Они машут руками, шапками. Я мигаю бортовыми огнями, приветствуя их.

- Приготовься, Нинок, буду заходить.

- Давай.

Спустившись еще ниже, я лечу немного правее костров на высоте двадцать - двадцать пять метров. Нина дергает систему веревок. Никакого результата: ящики преспокойно лежат на крыле.

Захожу еще раз - снова то же самое.

Черт возьми! Как же их сбросить? Приземлиться тут негде. Я еще раз внимательно просматриваю площадку. Нет, она совсем не пригодна для посадки: мала, изрезана оврагами, много деревьев.

- Что будем делать? - спрашиваю я.

- Заходи еще... Только сделай побольше круг.

На этот раз она вылезла из кабины на крыло.

Я осторожно веду самолет, делая развороты "блинчиком".

Высокая фигура Нины маячит справа сбоку. Мне становится не по себе: вдруг поскользнется, свалится... или ветром снесет...

Но я молчу, чтобы не отвлекать штурмана. Сижу, боясь шевельнуться, и чувствую каждое ее движение. И мне кажется, что это я сама стою на мокром и скользком крыле, вцепившись рукой в борт самолета.

Мне становится жарко. Так жарко, что я стягиваю теплые краги. Поглядываю на Нину. Она сталкивает по одному все ящики сначала с правого крыла, потом, перебравшись на другую сторону, с левого. Ящики тяжелые, и сталкивать их приходится свободной рукой и ногами. А я все кружусь и кружусь над кострами. Наконец ящики на площадке. Все восемь. Нина влезает в кабину.

- Ну вот и все Теперь домой.

Она говорит это так, будто только тем и занимается, что каждый день вылезает в полете на крыло и сталкивает ящики...

Мы делаем последний круг, прощальный. Мигаем навигационными огнями. Нам снова машут там, внизу.

Но вот костры на земле тускнеют. Их заволакивает пеленой. Пошел снег...

На обратном пути я говорю своему штурману:

- Нинка, а ты молодец!

Мы никогда не хвалим друг друга, у нас это не принято. И она обиженно, но в то же время радостно отвечает:

- Ну вот еще... Чего это ты выдумала?!

ОСТОРОЖНО: ТУТ МИНЫ!

Зимой сорок четвертого готовилось наступление наших войск под Варшавой. Нам приходилось летать много. В долгие зимние ночи, когда в пятом часу вечера уже темно, а рассвет наступает в девять, мы порядком уставали от полетов.

В то время мы уже брали с собой парашюты. Правда, сначала неохотно. Уж очень они обременяли нас. Полетаешь всю ночь, часов четырнадцать подряд, а утром не можешь из кабины выбраться. Просто сил не хватает. Забросишь ногу за борт, приподнимешься слегка - и вываливаешься из самолета как мешок... А тут еще парашют с собой тащить!

Но все-таки парашюты брали не зря.

Однажды от наземных войск сообщили, что в районе передовой упал горящий самолет. В ту ночь не вернулись с боевого задания командир третьей эскадрильи Леля Санфирова и штурман эскадрильи Руфа Гашева.

На следующий день мы узнали, что одна из летчиц погибла. Из полка на передовую поехала машина и привезла мертвую Лелю и живую Руфу.

Лелю похоронили, а Руфу, которая никак не могла прийти в себя после случившегося, отправили в санаторий. Только вернувшись оттуда, она смогла рассказать нам подробно обо всем, что пришлось ей пережить.

...В ту декабрьскую ночь Леля и Руфа, уже сделав два вылета, поднялись в воздух в третий раз. Для Руфы это был восемьсот тринадцатый боевой вылет. Железнодорожная станция Насельск, которую они бомбили, находилась севернее Варшавы.

Прицелившись, Руфа сбросила бомбы. Самолет обстреляли. Развернувшись, Леля взяла курс домой.

- Обстрел прекратился, - сказала Руфа.

Далеко впереди поблескивала лента реки Нарев. Линия фронта была уже близко, когда Руфа вдруг увидела, что горит правое крыло. Сначала она не поверила своим глазам.

- Леля! Ты видишь?

Леля молча кивнула. У Руфы неприятно засосало под ложечкой: внизу чужая земля, враг... Вспомнилась Кубань и тот полет, из которого они с Лелей не вернулись. Это было полтора года назад. Сейчас Руфа опять переживала тревожно-гнетущее чувство, как и в тот раз, когда остановился мотор и они летели в темноте, теряя высоту, и знали, что не долетят, не перетянут через линию фронта. Тогда все кончилось благополучно. А теперь? Что ждет их теперь?

Огонь быстро расползался в стороны, подбираясь все ближе к кабине. Леля тянула время: видно, надежда долететь до линии фронта не покидала ее. Но вот уже медлить нельзя. Руфа услышала голос командира:

- Руфа, быстрее вылезай! Прыгай!

Машинально ощупав парашют, Руфа начала выбираться из кабины. Все еще не верилось, что придется прыгать. Обеими ногами она стала на крыло - в лицо ударила горячая волна, всю ее обдало жаром. Она успела лишь заметить, что Леля тоже вылезает, и тут же ее сдуло струей воздуха...

Падая, она дернула за кольцо. Но парашют почему-то не раскрылся, и Руфа камнем понеслась в черную пропасть. Ее охватил ужас, и она, собрав все силы, рванула кольцо еще раз. Тут ее сильно тряхнуло, и над головой раскрылся белый купол.

Приземлилась Руфа благополучно. Отстегнув лямки, высвободилась из парашюта и отползла в сторону. Сначала в темноте трудно было что-нибудь разобрать. На земле стоял сильный грохот; казалось, стреляют сразу со всех сторон. Хотелось поскорее куда-нибудь спрятаться.

Она нашла воронку от снаряда и залезла в нее.

Первое, что увидела Руфа, оглядевшись, был "ПО-2",

пылавший на земле. Он показался ей живым существом, боевым товарищем, принявшим смерть без крика, без стонов, как и подобает настоящему воину.

Несмотря на холод, ей было жарко, лицо горело. В висках стучало, и почему-то назойливо лез в голову веселый мотив из "Севильского цирюльника".

Нужно было успокоиться, сосредоточиться. Вынув пистолет, Руфа положила руки на край воронки, опустила на них голову и прижалась лбом к холодному металлу. Мысли постепенно пришли в порядок. Прежде всего она должна определить, где восток, - там линия фронта. Но как? Звезды не просматривались: было облачно. Значит, по приводным прожекторам. Их было несколько, и все они работали по-разному. Сообразив наконец, где находится передовая, она поползла в ту сторону.

Где-то неподалеку изредка вспыхивали ракеты, и тогда Руфа замирала на месте. А в голове молотом стучала одна и та же мысль: "Леля! Где Леля? Что с ней? Удачно ли приземлилась? Может быть, она ушиблась, сломала ногу и лежит одна беспомощная? А может быть, ее схватили немцы?" И снова Руфа вспомнила Кубань, когда они вместе ползли, перебираясь через линию фронта. Вместе...

Вдруг рука ее наткнулась на что-то холодное, металлическое. Осторожно Руфа ощупала предмет. Он имел цилиндрическую форму. Мина! Что же делать? Здесь было минное поле. Она огляделась вокруг, но в черной тьме не увидела ничего. Только сзади, на небольшой горке, где она приземлилась, белел парашют.

Так ничего и не придумав, она снова двинулась вперед, шаря перед собой рукой, а потом палкой, как будто это могло спасти ее. Через некоторое время перед ней возникла стена из колючей проволоки. Руфа попыталась подлезть под проволоку, но у нее ничего не получилось. И тут при свете вспыхнувшей ракеты она увидела совсем близко небольшую группу людей - человека три-четыре, которые быстро шли, пригнувшись к земле, по направлению к белевшему в темноте парашюту. Руфа приникла к земле: свои или немцы?

Когда они прошли, она снова сделала попытку пробраться через проволоку. Долго возилась, исцарапала руки и лицо, порвала комбинезон.

Наконец ей удалось преодолеть препятствие.

Спустя некоторое время ей показалось, что впереди разговаривают. Он подползла поближе, прислушалась и вдруг совершенно отчетливо услышала отборную русскую ругань, которая в эту минуту прозвучала для нее как чудесная музыка.

Свои! Она встала во весь рост и крикнула:

- Послушайте, товарищи!..

В ответ закричали:

- Давай сюда, родная!

И сразу же другой голос:

- Стой! Осторожно: тут мины!

Но Руфа уже была в траншее. Только тут она почувствовала, как устала. Ноги заледенели: унты были потеряны. На одной ноге остался меховой носок, другого не было. Его потом нашли и передали Руфе солдаты, ходившие к парашюту искать ее.

В траншее Руфу окружили бойцы, дали горячего чаю, кто-то снял с себя сапоги и предложил ей. Потом ее повели на командный пункт.

Долго шли по извилистой траншее, пока не уткнулись в блиндаж. Руфа двигалась как в тумане. В насквозь прокуренном помещении было много народу. Здесь ее расспрашивали, она отвечала. Качали головой: чуть бы раньше прыгнуть - и снесло бы прямо к немцам. Ширина нейтральной полосы, на которую она приземлилась, была не больше трехсот метров. Отсюда, с земли, все видели: как загорелся самолет, как падал. Ей хотелось спросить о Леле, но она не могла решиться. "Почему они не говорят о ней ни слова? Почему?" думала Руфа. И, словно угадав ее мысли, кто-то произнес:

- А подружке вашей не повезло - подорвалась на минах.

Это было сказано таким спокойным, ко всему привыкшим голосом, что Руфа не сразу поняла. А когда смысл этих слов дошел до ее сознания, внутри у нее будто что-то оборвалось...

Она автоматически продолжала отвечать на вопросы, но все окружающее перестало для нее существовать. Все, кроме Лели. "Подорвалась... Леля подорвалась..."

- Она тоже шла через минное поле. Но там были мины противопехотные. А вы наткнулись на противотанковые, потому и прошли.

"Да-да... Я прошла. А вот Леля..."

Потом Руфу куда-то повезли на машине. Машина подъехала к землянке. Руфа оказалась перед генералом, который задал ей несколько вопросов. Она односложно отвечала, ничего не понимая, не чувствуя, как каменная. Генерал протянул ей стакан:

- Пей!

Это был спирт. Покачав головой, Руфа отказалась.

Тогда он решительно приказал:

- Пей, тебе говорят!

Она выпила спирт, как воду. Потом пришла медсестра, дала ей снотворное, но Руфа не уснула. Она знала: на рассвете Лелю

должны вынести с минного поля. Уставившись стеклянными глазами куда-то в угол, она сидела и ждала рассвета. И опять в ушах звучал все тот же веселый мотив...

Часто приходила медсестра, что-то говорила. В памяти у Руфы оставалось только то, что касалось Лели. Утром Лелю должны были принести. За ней пойдут саперы... А может быть, она жива? Наступило утро, Лелю нашли, принесли. Руфа вышла из землянки посмотреть на нее. Леля лежала на повозке, и казалось, что она спит, склонив голову на плечо. Видно было только лицо, все остальное было прикрыто брезентом. Перед Руфой на повозке лежала Леля. Она была мертва. Ей оторвало ногу и вырвало правый бок. Все это Руфа уже знала. Но ничто не шевельнулось в ней. Она равнодушно смотрела на подругу, как будто это была не она, а груда камней.

Вскоре приехали летчицы из полка. Обнимали, утешали Руфу, старались отвлечь от мыслей о Леле. Когда сели в машину, Руфа сняла сапоги - передать солдату. Ей укутали ноги, и в течение всего пути она сидела молча, не проронив ни слова.

Спустя час показался аэродром, и на нем - замаскированные самолеты "ПО-2". Машина въехала в большой тенистый парк и остановилась у дома, где жили летчицы. Руфа сразу же встрепенулась, заспешила и, выпрыгнув из машины, босиком побежала в свою комнату. Ей казалось, что настоящая Леля там, живая...

Два дня она лежала с открытыми глазами на койке и никак не могла уснуть. Возле нее дежурили, давали ей порошки. Она послушно принимала их, но сон не приходил.

Лелю решили похоронить в Гродно, на советской территории. Когда Руфа узнала, что Лелю увезут, то ночью пошла проститься с ней. Девушки-часовые пропустили Руфу в клуб, где лежала Леля. Медленно подошла она к гробу и упала...

Очнулась она у себя в комнате. В тот же день ее отправили в санаторий, где она пробыла почти месяц. Первое время Руфа не могла ни спать, ни есть, ни на что не реагировала, словно совсем выключилась из жизни. Врачи говорили, что у нее психотравма.

Целые дни она проводила у камина одна. Уставившись в одну точку, молча смотрела, как полыхает огонь. Она не могла оторвать глаз от пляшущих языков пламени. Ей все казалось, что она сидит в самолете, а пламя ползет по крылу, приближаясь к кабине... Все, что случилось в ту ночь, никак не могло улечься в голове, стать прошлым. Отдельные моменты пережитого вдруг живо всплывали в памяти, только Руфа никак не могла связать их вместе, и это было мучительно.

Но однажды, когда она, как обычно, сидела, тупо

уставившись в огонь, обрывки воспоминаний как-то сами собой соединились, и ей стало легче. Вечером она уснула и впервые за все это время проспала до утра.

А через несколько дней Руфа вернулась в полк. Сначала она опасалась: а вдруг после всего пережитого она будет бояться летать? Ведь иногда случается такое. Но все обошлось. Она снова начала летать на боевые задания с хорошей летчицей Надей Поповой. Энергичная и веселая, Надя много шутила и смеялась, пытаясь развлечь Руфу. На Лелю она ничем не была похожа, но в полете Руфа часто называла ее Лелей...

ПРИШЛА ПОБЕДА!

Взят Берлин. Это значит - конец войне. Почему-то трудно в это поверить. Так долго, так бесконечно долго она тянется.

Конец войне! Это так грандиозно и замечательно, что кажется просто неправдоподобным. Немцы капитулируют. Но еще держится группировка фашистских войск на севере. А может быть, завтра нам уже не придется бомбить?

Как бы там ни было, а на новой точке, где мы сейчас стоим, нас, как обычно, заставили знакомиться с районом боевых действий. Задание - полет по треугольнику днем. Мы с Ирой взлетели парой. И, как-то не сговариваясь, поднявшись в воздух, решили отклониться от заданного маршрута. В сторону Берлина, конечно. Очень любопытно взглянуть на Берлин сверху. Днем. Представится ли еще когда-нибудь такая возможность? Какой он, Берлин, "логово фашистского зверя", как называют его в газетах, столица поверженной Германии?

Мы летим на небольшой высоте. Под крылом пригороды Берлина. Ровные, светлые шоссейные дороги. Особняки в подстриженных садах. Много зелени. Все аккуратно, геометрически точно. Здесь нет разрушений, изрытой траншеями земли. Никаких следов войны. Так по крайней мере кажется, если смотреть сверху, с птичьего полета. Да, вероятно, так и есть - ведь наши войска заняли этот район с ходу.

Подлетаем поближе, и перед нами открывается огромный, серый, полуразрушенный город. Он весь дымится, кое-где еще догорают пожары. Небо почти сплошь затянуто дымом, и солнце с трудом пробивается сквозь дымную завесу. Светит слабым желтоватым светом, как при солнечном затмении. В воздухе пахнет гарью.

Мы низко пролетаем над рейхстагом, где развевается наш советский флаг, над Бранденбургскими воротами. Наверное, смешно выглядят наши "ПО-2", две маленькие пчелки, над серой громадой города, раскинувшегося на многие километры. Делаем большой круг и, выбравшись из дыма, летим домой. Снова ярко

светит солнце. Майское солнце, такое же, какое светило нам тогда, в Энгельсе, при отлете на фронт. Такое - и не такое. Новое - солнце Победы...

О том, что должен быть приказ Верховного Главнокомандующего, мы узнали восьмого мая. Приказ, после которого наступит мир!

И все-таки Победа пришла внезапно.

Мы прыгали, кричали, целовались. В парке под цветущими липами накрыли праздничные столы и выпили за мир. Вечером где-то далеко, в Москве, Родина салютовала победителям. Мы устроили свой салют: стреляли цветными ракетами, палили из пистолетов, кричали "ура"...

В этот день мы надели платья. Правда, форменные, с погонами. И туфли. Не сапоги, а туфли, сшитые по заказу. Их привезли на машине. Полный кузов выбирай! Настоящие туфли, коричневые, на среднем каблучке... Конечно, не ахти какие, но все же туфли. Ведь войне конец!

Пришла Победа. Это слово звучало непривычно. Оно волновало, радовало и в то же время, как ни странно, немножко тревожило.

Мир... Он нес с собой большое, хорошее. Мир - это было то, ради чего мы пошли на фронт, за что погибли наши подруги, это была новая жизнь, которую мы еще так мало знали. Пожалуй, большинство из нас основную часть своей сознательной, по-настоящему сознательной, жизни провели на войне. Где будет теперь наше место?

Четыре года... Мы ушли в армию, когда нам было девятнадцать, даже восемнадцать. За эти годы мы повзрослели. Но, в сущности, настоящая жизнь, с ее повседневными заботами и тревогами, для нас еще не начиналась. Никто из нас толком не знал, что его ждет впереди. Одни мечтали учиться, вернуться в институты, к прерванной учебе. Другие хотели летать.

С наступлением мира всех потянуло домой. Сразу. Захотелось остро, до боли в сердце, туда, где нас ждали, где все - такое знакомое, близкое, свое, где Родина...

Люди по-разному представляют себе Родину. Одни - как дом, в котором они родились, или двор, улицу, где прошло детство. Другие - как березку над рекой в родном краю. Или морской берег с шуршащей галькой и откос скалы, откуда так удобно прыгать в воду...

А я вот ничего конкретного себе не представляю. Для меня Родина - это щемящее чувство, когда хочется плакать от тоски и счастья, молиться и радоваться.

Родина...